

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Александр Воронцов

Прийти в себя. Вторая жизнь сержанта Зверева

Пионер по прозвищу
"Зверь"

Прийти в себя. Вторая жизнь сержанта Зверева

Александр Воронцов

**Прийти в себя. Вторая
жизнь сержанта Зверева**

«Автор»

2019

Воронцов А.

Прийти в себя. Вторая жизнь сержанта Зверева / А. Воронцов — «Автор», 2019 — (Прийти в себя. Вторая жизнь сержанта Зверева)

ISBN 978-5-532-99840-7

Украинский журналист Максим Зверев во время гражданской войны в Украине становится командиром диверсионной группы «Стикс». Попав под артобстрел, он внезапно перемещается в прошлое и попадает в самого себя – одиннадцатилетнего подростка. Но сознание и опыт взрослого Максима полностью сохраняется. Пионер Зверев не собирается изменить свою жизнь и страну, но опыт журналиста и мастера смешанных единоборств невозможно скрыть. Поэтому очень скоро о непростом мальчике узнает весь город. Фото авторское. Автор - Александр Воронцов. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-99840-7

© Воронцов А., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Глава первая. На войне как на войне...	6
Глава вторая. Снова одиннадцать	17
Глава третья. На правах гостя	22
Глава четвертая. Знакомство с самим собой	26
Глава пятая. Дом, милый дом	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Александр Воронцов
Прийти в себя. Вторая
жизнь сержанта Зверева

*«Война – это грязь, война – это мерзость. Какая бы она ни была.
Приходится иногда брать в руки оружие и защищаться от нашествия...»
Булат Окуджава*

Глава первая. На войне как на войне...

Авдеевка. Год 2016

Через блокпост группа проходила поздно вечером.

В принципе, до вражеской батареи можно было добраться и по «зеленке»¹

Но это было бы гораздо дольше – все посадки вдоль трассы давно были нашпигованы минами и неразорвавшимися боеприпасами, идти в час по чайной ложке, всю дорогу шаря миноискателями – себе дороже. И долго, и риск засветиться, да и нарваться на шальную растяжку как-то не улыбалось. А по полям, где человека или группу издалека видать, да с такими же «сюрпризами» – эффект примерно тот же. Вот и пошли «в наглуую», через блокпост – вначале, как всегда, Зверь и Стерва, а потом – вся остальная команда.

План был прост, как пять копеек – Зверь примерил на себя свою излюбленную роль прощачка, эдакого мелкого коммерсанта-недотепы, всем своим видом давая понять украинской солдатне, что у них есть счастливая возможность сейчас «раздеть» этого лоха по полной программе, а заодно и бабу его оприходовать. Кто увидит? Время позднее, машин почти нет, да и кто в такую темень попрется по шоссе? И вообще, после шести вечера редко какой водила отваживался проехать по «серой зоне» через блокпосты украинской армии или, что еще хуже, через блокпосты, контролируемые добробатами²

Тем более, везти через них товар...

Старенький «Рено-кенго», «кенгуру», или как его еще в народе называют, «пирожок», был набит коробками. И на первый взгляд могло показаться, что там товара просто немально. На это и был расчет – вызвать приступ жадности у вечерней смены, которой не достались все дневные «сливки». В зоне АТО³ действовало неписанное правило – любой блокпост являлся своеобразным способом легально грабить всех проезжающих через него. Поэтому любые пункты пропуска на дорогах охваченного войной Донбасса, которые контролировали и вооруженные силы Украины, и так называемые «добровольческие батальоны», имели не только твердую таксу за пропуск груза в ту или иную сторону, но и снимали «пенки» с этих грузов. Размер «дани» зависел от наглости постовых и покорности тех, кто вынужден был «делиться».

Расчет оказался точен – уже при проверке документов, когда Зверь, убедительно игравший свою роль, показал все накладные, где числилась и сгущенка, и шоколад, и еще много

¹ Зеленка – в лексиконе военных – посадка, только опасная и простреливаемая. В Украине поля обычно размежевывались лесополосой, чтобы сильные ветры не образовывали смерчи, по-украински, «суховій». Ширина такой лесополосы обычно составляет 10–20 метров, длина же сообразно длине поля, может быть до нескольких километров.

² Добробаты – так называемые «добровольческие батальоны территориальной обороны», созданные в Украине в 2014 году, когда в нарушении Конституции Украины в Донбасс были посланы части украинской армии для так называемой антитеррористической операции, а на самом деле – для усмирения восставшего против государственного переворота в Киеве части населения. Чтобы избежать обвинения в нарушении Конституции новая украинская власть, являвшаяся нелегитимной, объявила о формировании подразделений добровольцев, якобы, для защиты территории страны от так называемой российской агрессии. Финансировались эти батальоны, которые в Украине прозвали «бандальоны», украинскими олигархами, в частности, Игорем Коломойским из Днепрпетровска, Ринатом Ахметовым из Донецка, а также другими более мелкими богатыми. В частности, известны такие батальоны, как «Айдар», «Азов», «Донбасс», «Днепр-1» и «Днепр 2», «Киевская Русь», «Кривбасс», «Шахтерск». Некоторые, в частности, батальон «Шахтерск», переименованный в роту «Торнадо», были вскоре расформированы за преступления, которые вызвали возмущение даже у новой власти – убийства, изнасилования, пытки, грабежи, мародерства, контрабанду наркотиков и т.д. Одиннадцать представителей батальона были арестованы и преданы суду. Сам батальон разоружали под прицелом пулеметов, окружив частями Национальной гвардии и спецподразделений полиции. Некоторые батальоны были сформированы откровенно националистическими и даже нацистскими («Азов») партиями – такими, как «Правый сектор» (бывш. УНА-УНСО). Был даже один батальон ОУН – организации украинских националистов.

³ АТО (антитеррористическая операция) – термин, придуманный новой неконституционной властью Украины, чтобы прикрыть идущую на востоке страны гражданскую войну, где армия вела бои против ополчения самопровозглашенных Донецкой и Луганской народных республик, которое поддерживали добровольцы из разных стран, в том числе из России. Россия по неподтвержденным данным помогала ополченцам поставками оружия и кадровыми инструкторами из армейских подразделений российской армии.

всяких «ништяков», которые обязательно должны были заинтересовать украинских «хероев», сержант по имени Мыкола сразу же обернулся, показав старшему блокпоста большой палец. И дурак бы «вкурил», что сейчас его будут грабить. Зверь, игравший роль дурака, «не вкурил». Поэтому покорно пошел за сержантом в бетонное сооружение, почему-то называемое ВСУшниками⁴ бункером. Перед тем, как зайти, Макс, обернувшись, увидел, что Стерва уже готова действовать – с ней оставалось всего трое солдат. И, ни о чем не беспокоясь, он спокойно вошел в «бункер».

Как и ожидалось, внутри было пятеро. Бодрствующая смена. Снаружи метрах в 15 стояла армейская палатка, там, по-видимому, находилась отдыхающая смена и резерв, 10–12 человек.

«Это – если эти гниды устав читали», – подумал про себя Макс.

Но зарубку в уме поставил.

Отдыхающих можно было пока не опасаться, скорее всего, плотно поужинав и приняв «на грудь» солидную дозу самогонки, все эти вояки дрыхли без задних ног.

«Как еще эти на ногах стоят? Перегаром прет за версту, рожи красные, глаза мутные. Ну, прекрасно, задача облегчается», – Зверь мысленно поздравил себя с правильностью выбранного способа действия.

Он уже распределил последовательность отправки укроповских вояк к их «небесным сотням»⁵, как внезапно намеченный план начал на ходу меняться.

Старший блокпоста, одутловатый старлей в довольно грязном камуфляже, видимо, решил особо не церемониться с недалеким барыгой, поэтому, даже не проведя стандартную процедуру допроса и досмотра, просто ударил посетителя ногой в живот. Вернее, ударить-то ударил, но в том месте, где только что стояла мишень для удара его ноги, внезапно оказался сержант Мыкола, который заранее приготовился добавить недотепе прикладом сверху. Но, неожиданно поймав «с ноги» от своего командира, влетел в бетонную стену бункера. Да так неудачно, что стволом АКМа заехал себе же в глаз.

За эти несколько секунд Зверь успел перейти в режим быстрого действия, поэтому, когда раздался визг и мат раненного своим же автоматом Мыколы, двое укровоаяк с перерезанным горлом уже оседали на бетонный пол. Никто из солдат даже не успел увидеть, как и когда предполагаемая «жертва» успела достать острый, как бритва, нож, а главное – никто из них даже ничего не понял – настолько быстрыми были движения только что такого медлительного и даже сонного «предпринимателя». Собственно, движений было всего два – уход с линии атаки с выносом руки, вооруженной ножом, снизу-вверх и поворот на 360 градусов с одновременным горизонтальным пронесом ножа через тела двоих ближайших противников. Классика ножевого боя в ограниченном пространстве.

Сам старлей ничего не успел понять – что-то внезапно хлестнуло его в глаз, и свет для него моментально выключился. Навсегда. А Зверь, воткнув левой рукой в глаз старшему обыкновенный гвоздь, который заранее припас в рукаве, правой продолжил круговое движение с ножом, на этот раз немного изменив траекторию. И, полосонув четвертого военного по сонной артерии, левым локтем, завершая круг, ударил пятого в висок. Предвкушавший легкую добычу воин с большой дороги гэннулся вниз, как мешок с удобрениями, даже не пикнув. А Макс уже прыгнул к валявшемуся на полу Мыколе, который в голос матерился, но почему-то по-русски.

⁴ Всушники – военнослужащие вооруженных сил Украины (ВСУ).

⁵ «Небесная сотня» – погибшие в ходе государственного переворота на Украине, который сегодня украинская пропаганда называет «Революцией достоинства», гражданские лица и военнослужащие МВД, в частности, расстрелянные неизвестными снайперами на улице Институтская в Киеве протестующие из так называемой «Львовской сотни». В 2013–14 гг. в столице Украины на Майдане Независимости вышедшие на акции протеста граждане объединялись в так называемые «сотни», которые были названы либо по социальному признаку, например, «Афганская сотня» состояла из ветеранов военных действий в Афганистане во времена СССР, либо по городу, откуда прибыли на Майдан протестующие.

«Вот ведь нехорошо – ты ж украинский патриот, а ругаешься по-москальски», – успел подумать Зверь, прекращая поток мата незадачливого воина простым и незатейливым способом – ударом ноги в челюсть. Судя по хрипу, вместе с челюстью он перебил вояке и гортань. Окинув взором неподвижные тела, сержант армии Донецкой народной республики Максим Зверев, по прозвищу «Зверь», выскочил наружу.

Как всегда, боец армии ДНР Анастасия Кротова с позывным Стерва сработала четко и быстро – возле «пирожка» валялись тела трех остальных украинских солдат из дневной смены. Настя спокойно собирала их оружие.

«Даже не звякнуло ничего», – удовлетворенно отметил Зверь.

– Палатка. От 8 до 12. Без шума. Я – основа, ты подчищаешь. Пошли. – Зверь на ходу вытащил из-за спины второй нож и так, с двумя лезвиями, выставленными в стороны, пошел своей знаменитой танцующей походкой в сторону большой армейской палатки, стоящей метрах в двадцати от блокпоста на обочине. За ним тенью двинулась Стерва, машинально вытерев об один из трупов свой здоровенный мачете.

Про этот клинок ходили легенды еще в донецком ополчении. Никто не мог понять, где может прятать хрупкая Настя этот здоровенный тесак. Однако же доставала она его моментально, причем, в самых непредсказуемых ситуациях. А уж как она управлялась с этим клинком... От лицемерия процесса появления холодного оружия становилось горячо любому, кто это мог наблюдать. Правда, многим удавалось это видеть лишь один раз в своей жизни – первый и последний. Своих младший сержант этим зрелищем баловала нечасто – такое позволялось видеть только самым доверенным людям. То есть, членам диверсионно-разведывательной группы «Стикс», прикомандированной к батальону «Спарта».

...Храп из палатки был слышен даже на блокпосту.

«Неудивительно», что вопли Мыколы никого не разбудили – они сами себя не разбудят таким храпом, перепились, как всегда», – подумал Макс, откидывая полог палатки.

В нос ударила густая вонь от немытого человеческого тела, грязных носков, перегара, селедки с луком и еще Бог знает, чего. Непривычного человека, наверное, сразу бы стошнило, но диверсанты были привычны ко всему. Тем более что этот блокпост был далеко не первым в их послужном списке. Ведь до сих пор украинские военнослужащие ни разу не были замечены в стремлении к чистоте и воинской дисциплине, то есть, в добросовестном отношении к своим служебным обязанностям. Впрочем, что касается службы в понимании украинских вояк – то есть, умения грабить, убивать, насиловать и разрушать – здесь украинская армия могла поспорить с любой армией мира. Здесь им равных, наверное, не было и, скорее всего, не будет.

Резать спящих людей – задача довольно простая. Резать спящих нелюдей еще проще. Не было ни жалости, ни страха, только брезгливость – от вони, которая стояла в палатке, от внешнего вида этого подобия людей, от ощущения не человеческого жилья, пусть и временного, а свиного хлева. А резать свиней...

Макс подходил к каждому спящему, закрывал ему рот заранее подобранной чьей-то шапкой, и одновременно вонзал нож в сердце. Второй клинок пришлось спрятать – он не понадобился. Десять ударов – и вот на деревянных топчанах лежат бездыханные трупы. Удар в сердце, несколько секунд – и тело даже не дергается. Это при ударе в горло человек еще может хрипеть, тело продолжает двигаться, мышцы – сокращаться, а кровь – литься рекой. При точном ударе в сердце смерть наступает мгновенно и крови выливается совсем немного. Зверь имел большой опыт в этом деле, хотя резать человеческую плоть не любил, несмотря на свое прозвище.

А прозвище Максим Зверев заслужил вовсе не по причине своей жестокости, которая, в общем-то, и не была жестокостью, а, скорее, профессионализмом – какой диверсант не умеет убивать? Позывной он получил благодаря своей фамилии, причем, еще тогда, когда и не командовал своим «Стиксом», а только-только записывался в ополчение города Донецка. Как оказалось, свой позывной Зверь получил не зря...

... Когда подъехал микроавтобус с остальными членами группы, ничто не выдавало событий, которые еще 15 минут назад происходили на украинском блокпосту. Разве что внимательному наблюдателю он бы показался каким-то безлюдным – ни одного солдата, только парочка каких-то гражданских шарохались у шлагбаума. Но время было позднее, наблюдатели не наблюдались, ни проверки, ни, тем более, автотранспорт, что в одну, что в другую сторону не ожидались, поэтому Макс с Настей не стали делать бутафорию – переодеваться, изображать часовых и прочую ерунду. Просто стояли и наслаждались тишиной...

А дальше все как обычно – собрали оружие, документы, закинули трупы в палатку, слили весь бензин и пробили баки у стоящего за палаткой «кунга», покорежили старенький БТР-152, пробив радиатор и разбив панель управления, вырвав все патрубки и провода электропитания. И – растворились в темноте. Диверсионно-разведывательная группа «Стикс» шла к своей основной цели – к батарее 122-мм самоходных гаубиц 2С1 «Гвоздика»...

«Стикс» чаще всего охотился именно за артиллеристами. Уж очень много горя эти ублюдки принесли на землю Донбасса, стреляя по мирным городам и селам, убивая и калеча мирных граждан. Тех, кто даже не выходил на какие-либо митинги, выборы и прочие акции, тех, кто работал на заводах, в шахтах, на стройках или в полях, кто кормил свои семьи, растил детей, тех, кто просто жил – при любой власти и любой идеологии. Но вот новая украинская идеология жить таким людям не позволяла. Разом, одним махом зачислив всех их даже не во враги – в недочеловеки. Которым и жить-то незачем. Мол, раз отреклись от Украины, раз посмели проситься в Россию – так стигните навсегда! Старики, женщины, дети – без разницы!

И уже с лета 2014 года украинская армия, которая пошла усмирять восставший против новой власти Донбасс, стала обстреливать не только родившееся в боях народное ополчение Донецка и Луганска, но и те города и поселки, ту территорию, которая не покорилась приказам из Киева. Где не захотели петь «Щэ не вмэрла Украина!», где хотели жить, а не умирать. И вот поэтому новая украинская власть отбирала у этих людей их самое святое, конституционное право – право на жизнь, начав против них настоящую войну. Вернее, антитеррористическую операцию – так украинские правители цинично назвали боевые действия армии против своих граждан. Одним махом зачислив в «террористы» всех жителей Донбасса.

Стоит ли вспоминать о том, что по Конституции Украины Донбасс числился украинской территорией, а все граждане Луганской и Донецкой областей имели украинские паспорта, то есть, были гражданами Украины. Которых убивала их собственная украинская армия! Которая – согласно той же Конституции – не имела права вмешиваться в гражданский конфликт. Парадокс – в Киеве, когда на Майдане закружилась кровавая карусель, когда вышедшие на «мирный протест» уже убивали милиционеров, поджигая их коктейлями Молотова, пробивая им головы камнями, стреляя в них из винтовок и даже автоматов, тогдашний президент Янукович, которого нынешняя власть прозвала «кровавым», не рискнул ввести в украинскую столицу армейские части, не отдал приказ милиции применять боевое оружие. И – потерял власть.

А те, кто эту власть у него отобрал, ничуть не сомневаясь в своем праве карать, отдали приказ армии не защищать, а убивать своих сограждан.

Хотя, если честно, вначале армейские части, даже отправившись походным маршем на Луганск, были остановлены простыми женщинами и детьми, а также суровыми, но безоружными мужиками, которые вышли на улицы прямо под БМПшки. И остановили, и заставили десантников покинуть свои боевые машины, а потом пешком возвращаться восвояси. Потом этих молодых ребят в Киеве, кстати, пытались судить, мол, трусили, не выполнили боевую задачу. Ну, да, не стали парни давить гусеницами женщин и стариков.

Совесть еще у них была, честь воинская...

Зато после этого в украинские военкоматы поперли так называемые патриоты, националисты, молодежь с Майдана – все эти бывшие футбольные «ультрас», откровенные нацики, скинхеды, «свободовцы», «УНСОвцы» – члены националистических организаций, короче,

всякая нечисть – без чести, совести и мозгов. И вот уже эти отморозки, которых украинские олигархи быстренько оформили в так называемые «добровольческие батальоны территориальной обороны», прошли по донецкой и луганской земле, что называется, «огнем и мечем».

Жители Донецкой и Луганской областей, те, кто пережил в свое время Великую Отечественную войну, кто побывал в оккупации, когда войска гитлеровской Германии захватывали города и села на Донбассе, рассказывали потом, что не помнили таких зверств даже у немцев. Старики вспоминали, что стреляли и пытали во время той войны как раз местные полицаи, желая выслужиться, а сами немцы только отдавали приказы, стараясь больше угнать трудоспособное население в Германию или заставить его работать на себя на местах. Калечить народ – такой задачи германское командование не ставило. Разве что, если партизаны или подпольщики.

Новые украинские фашисты изначально шли карать и уничтожать, что в их понимании было одно и то же. Выходил протестовать против президента Порошенко? Посиди за решеткой, подумай. А чтобы легче думалось, головой несколько раз о бетонную стену. Голосовал против того, чтобы Донбасс был в составе Украины? Вот тебе пуля! Причем, это – в лучшем случае. Убивали и более изощренно. После того, как выбили украинские войска с части территории Луганской и Донецкой областей, в освобожденных селах, а также в заброшенных шахтах стали находить странные захоронения, в которых местные жители обнаружили многих своих родственников, пропавших без вести. Руки у тех были спутаны колючей проволокой, а в головах и телах – пули калибра 5,45 или 7,62 от автомата Калашникова, реже – от пистолета Макарова. Но чаще всего трупы были даже без пулевых ран, просто либо забитые, либо зарубленные, видимо, мотыгами. И со следами пыток. Прямо как в 70-е годы прошлого века в Камбодже. Хотя вообще-то вспомнились герои-краснодонцы... «Молодая гвардия»...

Молодая «гвардия» украинских нацистов, войдя во вкус, сеяла смерть направо и налево. Так называемый «добровольческий» батальон «Торнадо», в котором собрались бывшие уголовники, наркоманы и просто маньяки, причем, не только из Украины – там были и белорусы, и прибалты, и грузины – организовал в своем расположении камеру пыток. Там пытки и даже изнасилования снимались на видео. Которое потом продавали на Запад, каким-то дельцам, которые заказывали именно такое видео... Потом, когда одиннадцать человек, точнее, нелюдей, все же были отданы под суд в Киеве, на суде показывали кадры из этих «фильмов». В зале суда многие падали в обморок, причем, не только женщины...

И этот «батальон» подчинялся министерству внутренних дел Украины!

Сколько бед натворили эти «милиционеры»...

Но больше всего горя жителям непокоренного Донбасса принесла именно украинская артиллерия – все эти САУ «Гвоздика» и «Акация», тяжелые гаубицы, установки залпового огня «Град» и «Смерч», доставшиеся кровоякам еще со времен развала Советского Союза. И хотя украинскую армию все эти четверть века усиленно разваливали все руководители «новой» и «независимой» Украины, воруя и продавая всему миру всю ту бывшую советскую технику, за которую могли дать хоть какие-то деньги, многое распродать так и не успели. Кстати, парадокс – торговля оружием продолжалась и после начала боевых действий на Донбассе! Украинские генералы умудрялись продавать своему противнику технику и боеприпасы, которые руководство ополчения новообразованных Донецкой и Луганской народных республик сразу же посылали в бой против этих самых генералов. Точнее, не против них самих, а против их солдат.

И все равно, снарядов в Вооруженных силах Украины было еще много, а отморозков, которые готовы были их посылать на головы мирных жителей – еще больше. Ведь украинская власть за это платила. А при той жуткой безработице, которая бушевала в стране, нашлось немало отребья, пожелавшего получать эти кровавые деньги. Особого труда не требовалось – разгрузить пару машин со снарядами, зарядить стволы, дать несколько залпов – и вот уже

заработал пару тысяч гривен. И никто из этих ублюдков даже не хотел задумываться над тем, куда полетят эти снаряды и что они натворят...

Хотя нет, было много и тех, кто искренне радовался этому факту. Мол, это русские пришли на нашу землю, так что мы их убиваем...

А дончане или луганчане для них уже были русскими... Потому что машина украинской нацистской пропаганды работала исправно.

Русские в донецком и луганском ополчении были, и довольно много. И в «Стиксе» у Зверева тоже. Правда, большей частью это были как раз не русские, а чеченцы – остатки легендарного чеченского батальона «Восток», который почему-то Рамзан Кадыров затребовал обратно к себе в Чечню. Но часть бойцов осталась – по разным причинам. Кому-то нравилось воевать – не смогли приспособиться после чеченских войн к мирной жизни, не нашли себя, у кого-то были кровные долги – за друзей, за родственников, кто-то просто воевал «за правду». У чеченцев вообще было какое-то обостренное чувство справедливости, какое-то очень специфическое понятие чести и доблести. Так, наверное, было в 16–17 веке, когда в моде все еще были дуэли, а слово, данное мужчиной, считалось клятвой до гроба. Впрочем, Кавказ до сих пор во многом жил по законам Средневековья. Максимум нравилось воевать с чеченцами – они никогда не подводили, не трусили в бою, надежно прикрывали спину. И – что немаловажно – не пускали интеллигентские сопли, когда надо было идти и резать врага. Резать в буквальном смысле этого слова.

Именно чеченцы из батальона «Восток» изобрели средство от постоянных артобстрелов мирного населения со стороны ВСУ. Как только где-то какое-то украинское подразделение производило артиллерийский налет на город, поселок или село, в ту же ночь «Восток» собирался и шел за линию фронта, которая всегда была весьма условна – ну какая там линия фронта во время гражданской войны? И возвращался батальон либо под утро, либо через пару дней, если у артиллеристов был кто-то умный и после обстрела они снимались с позиций и укатывали подальше. Эта военная хитрость все равно никого не спасала – у чеченцев, а позже у агентурной разведки ДНР и ЛНР – везде были свои осведомители. Часто – среди самих же украинских военных, которые за деньги готовы были продать даже родную мать, а не то что своих боевых товарищей. Поэтому востоковцы всегда находили тех ублюдков, которые стреляли по мирным жителям. И всегда возвращались из рейда с их головами.

После нескольких таких рейдов артобстрелы мирных городов резко прекратились. Как рассказывали потом попавшие в плен украинцы, ВСУшники до зеленых соплей боялись не то что из пушек палить – вообще выходить в нулевую линию с оружием в руках. Потом забастовали снайперы – после того, как двоих из них нашли в «зеленке» с винтовками, забитыми им в... в общем, в тыловое отверстие.

Ситуацию спасли нацисты из «Правого сектора» и других «добровольческих» батальонов, а, точнее, незаконных вооруженных формирований – попросту говоря, банд. Эти «солдаты удачи», накачанные не только нацистской идеологией, но и наркотиками, самогоном и прочими горячительными напитками, не боялись ни Бога, ни черта. И после прохождения под руководством НАТОвских инструкторов курсов обучения, встали и к гаубицам, и к снайперкам. И Смерть с новой силой пошла собирать свой урожай в городах и селах Донбасса...

И вот в этот момент внезапно в батальоне «Спарта» появился Максим Зверев. Именно он в скором времени собрал вокруг себя костяк сегодняшней диверсионно-разведывательной группы «Стикс». Зверев моментально вспомнил опыт чеченцев. После чего предложил командиру батальона Арсену Павлову, которого тогда еще все знали только как Моторолу, возобновить акции устрашения и походы за головами украинских выродков-артиллеристов. Тот дал добро, и Зверь со своей командой стал время от времени делать свои вылазки, после которых за линией разграничения у ВСУшников начиналась форменная паника. Шутка ли – всего за

одну ночь диверсанты, бывало, вырезали обслугу целой артбатареи, не говоря уже про отдельные расчеты или пусковые установки. А это примерно 70 человек! Точнее, 70 нелюдей!

Причем, Зверь головы с собой не брал.

«Чего еще, всякую падаль с собой ташить!», – говорил он.

Головы врагов он оставлял там, где они и были изначально – на телах. Мертвых, конечно же. Разве что иногда, после особо кровавых артобстрелов, когда гибли женщины и дети, Макс не останавливал своих людей и тогда трупы укроповских артиллеристов выглядели так, словно их пропустили через мясорубку. Часто подонков этих резали по частям, не убивая сразу, резали еще живыми. Вдумчиво, не спеша, подходя к делу, так сказать, творчески. Обязательно оставляя одного в живых, чтобы рассказал своим. Если не сходил с ума – рассказывал... И ужас накрывал украинские позиции.

А один раз, узнав, что кроме своих военных «подвигов» приехавшие под Авдеевку солдаты из гаубичной батареи во время распределения на постой зверски изнасиловали двух малолетних девчушек, Зверь той же ночью со своими людьми пришел в то село. И вырезал не только весь личный состав батареи, но и вообще всех украинских солдат, стоявших в деревне, включая связистов и роту хозобслуги. Насильников же распяли на центральном майдане, предварительно кастрировав и засунув им в рот их же причандалы...

Именно после этого случая про Зверя и его «Стикс» заговорили в украинском Генштабе, а также в СБУ, когда был отдан отелый приказ на его ликвидацию – и самого командира, и его подразделения. А сам Макс Зверев второй раз попал в списки скандального украинского сайта «Миротворец»⁶

Второй – потому что, как оказалось, он там уже был. Только как журналист. И украинские пропагандисты просто не удосужились проверить, что Зверь-диверсант и Зверев-журналист – это один и тот же человек...

Именно за очередной батареей, на этот раз 122-миллиметровых самоходных гаубиц 2С1 «Гвоздика» охотился сегодня «Стикс». Дважды украинские пушкеры успевали дать несколько залпов и сразу же сматывались, благо, самоходки обладали хорошей скоростью и заранее просчитывали пути отхода. Но в этот раз агенты слили информацию о том, где будут располагаться эти головорезы перед тем, как начнут стрелять. И появилась возможность наказать их не после злодеяния, а еще до совершения оно. Хотя за предыдущие разы эта батарея успела наскладировать такую гору трупов, в том числе и детских, что на каждого из этих вояк приходилось по десяти, а то и поболее гражданских. Так что акция возмездия пришла, как никогда, вовремя.

Резня прошла буднично и как-то деловито – часовые были чистой формальностью, ведь не стояли «на часах», как положено по Уставу, а сидели себе в небольшом окопчике и гундели про нехитрое житье-бытье. Этому способствовала фляжка с самогоном и уже набитые, готовые к употреблению папиросы с «драпом». Поэтому горе-вояк даже не стали резать – просто свалились к ним, как снег на голову, и скрутили шеи.

Зато с остальными пришлось попотеть.

Спали далеко не все – кто-то «резался» в карты, кто-то смотрел порнуху на «отжатых» у «мирняка» планшетах и андроидах, кто-то играл в игрушки на мобилах, в общем, перед выполнением «боевой» задачи подразделение, что называется, отдыхало.

Задачу облегчило только то, что практически все были под кайфом и под градусом – обычно украинское командование, особенно в националистических добробатах, разрешало, правда, неофициально, любые возбуждающие средства, которые одновременно, гасили послед-

⁶ Миротворец – скандальный интернет-сайт, созданный помощником министра внутренних дел Украины и народным депутатом Антоном Геращенко. В нарушение украинских законов и Конституции там публиковались все данные граждан Украины и других стран, которых руководство ресурса объявляло врагами Украины. Даже после убийства известного украинского журналиста Олеса Бузины, данные на которого, в том числе и место жительства были выложены на этом сайте, ресурс не прекратил свое существование, а, наоборот, стал даже подстрекать к устранению неугодных новому режиму граждан.

ние остатки разума и совести. Именно поэтому никто из укровояк не успел среагировать на внезапное изменение обстановки.

Сначала были убиты все, кто находился возле орудий, а также все, кто хоть как-то нес дозорную службу. После этого Рамзан Цароев и Ильяс Хадисов, чеченец и ингуш из бывшего «Востока» вломились в штабную палатку и, судя по доносившимся оттуда хрипам, в два ножа оперативно вырезали всех отцов-командиров. Еще один чеченец, Руслан Хуцаев, здоровенный рыжий амбал, влез в кунг связистов и, видимо, тоже не принес тамошним обитателям много радости.

Остальные члены группы «Стикс» деловито разобрались по палаткам, где по двое, а где по трое, стали быстро проникать внутрь и «гасить облики», как любил выражаться японец Кёсиро Токугава, попавший на Донбасс откуда-то с Дальнего Востока. Кстати, Кёсиро, или Костя-Ниндзя, как все его звали в «Стиксе», был единственным, кто не пользовался ножами. Его оружием были метательные сюрикены и парочка «кама» – это что-то вроде небольшой короткой косы. «Ниндзя» носил их всегда в специальных зажимах на руках и мгновенно мог достать. А уж «достать» своими «косами» он мог любого на расстоянии двух метров от себя – если не двигаться с места. При любом передвижении расстояние удлинялось вдвое и втрое. Сюрикены же не требовали замаха, метать их японец мог из любого положения, причем, точно в цель, как правило, в глаз, переносицу или в шею. Поэтому тот, в кого они вонзались, никогда ничего не успевал заметить.

Косте достался самый ответственный участок «работы» – он выдвинулся в сторону соседней пехотной роты ВСУ, чтобы, в случае чего, успеть «погасить» поднятую тревогу. И пока группа «гасила облики» перепившихся артиллеристов, которые были, судя по их шевронам, из «Правого сектора», в соседнем подразделении украинских вооруженных, а, точнее, бомжоруженных сил, было тихо. Украинские военные не сильно жаловали украинских нацистов, посему никакого соприкосновения между пехотой и артой не наблюдалось – ни совместных постов, ни совместных укреплений.

«Нет на вас моего старшины. Уставом тут и не пахнет... поэтому теперь пахнет смертью», – сплюнул в сторону Макс, закончив «обрабатывать» свой участок.

У него все прошло в штатном режиме: шесть ударов – шесть трупов. Никто даже не пикнул. Примерно так же отработали и все остальные члены группы. Разве что Стерве пришлось повозиться – она обнаружила в палатке малолетнюю «бандеровку», которую как раз оседлали сразу два здоровенных «лыцаря» и ситуация, как говорил Остап Бендер, начинала становится томной. Настя просекла «диспозицию» противника сразу, практически с первого же удара снесла голову одному герою-любовнику и распорола горло второму. Но вот «дитя порока» с нашивками ефрейтора, предававшаяся блуду в полной военной форме, внезапно стала визжать, как резанная. Хотя как раз ее еще никто не резал. Но этот пронзительный вскрик длился всего пару секунд и утонул в хлынувшей изо рта юной «валькирии» крови. Так что, можно считать, что он слился со сладострастными воплями, которые только что издавала украинская, так сказать, военнотружущая.

Упокоив предававшихся разврату нацистов, Настя выскочила из палатки и прислушалась. Вокруг было относительно тихо – всхлипы, всхрипы, какие-то стоны посторонний наблюдатель воспринял бы, как тяжелые сны уставших от боев солдат. Ну, снятся воинам кошмары, бывает...

– Снова ты, Стерва, свое прозвище оправдываешь, – прогудел неизвестно откуда появившийся Рома Каланча. – Не дала людям перед смертью получить наслаждение. Не успели они кончить...

– Людям?! – ощерилась моментально Стерва, все еще находясь в ритме боя. – Ты где, Рома, в этом зверинце людей увидел? А кончить я им даже помогла. Кончили они все одновременно! – улыбнулась младший сержант своей знаменитой змеиной улыбкой.

– Разговорчики! – прошипел возникший из темноты Зверь. – Стерва, Каланча, работу закончили? Бегом подчищать у остальных!

Но в «чистке» никто не нуждался, всего лишь за 17 минут вражеское подразделение перестало существовать. В этом даже была какая-то мистика – 17 человек в группе, 17 минут, да и число сегодня тоже было 17-е...

* * *

17-е сентября 2016 года. Где-то под Авдеевкой. 4–07 утра.

Отходили по заранее продуманной схеме. Но в план отхода внесла изменения ситуация с наличием той самой мистики. Кёсиро Токугава что-то такое почувствовал. Не зря же у него в роду, как он всем говорил, были настоящие ниндзи. Поэтому и прозвище свое получил, а не потому, что японец.

Несмотря на то, что ликвидация прошла успешно, и не было ни «двухсотых», ни «трехсотых»⁷, воин из рода Токугава постоянно, что называется, «был на измене». И даже когда микроавтобус свернул на проселочную дорогу – возвращаться через уничтоженный блокпост было опасно – японец никак не мог отделаться от какого-то дурного предчувствия. О чем и не преминул доложить командиру. И он оказался прав – на выезде из «зеленки», которая просматривалась пока слабо, группа обнаружила неизвестно откуда взявшийся танк. Причем, танк укроповский – на нем была нарисована вертикальная белая полоса. Грозная машина явно находилась на боевом дежурстве. И хотя неясно было, кого она здесь поджидает, встречаться с ней диверсантам было не с руки.

Нет, сжечь танк ребята из «Стикса» могли очень быстро. Или даже просто загасить всех танкистов, не трогая машину. Вот только зачем оставлять следы? Светового времени оставалось мало, и группа изначально просто не успевала вернуться обратно в темное время суток. Это входило в расчетные планы, и Макс собирался устроить дневку в одном из почти полностью раскатанных украинской артиллерией сел, которых под Авдеевкой было несколько. Жители там не жили, да и домов-то в селе целых не осталось – сплошные развалины. Все, что было ценного, давно вынесли и местные, и «воины света», которые не гнушались ни кусками заборов, ни оконными рамами, ни листовым железом с крыш. А однажды снайпер Ваня Сомов из «Спарты» подстрелил одного укронациста, который тащил на себе ляду с какого-то погребка. Так что нарваться днем на группу украинских вояк, в принципе, было маловероятно. Если не наследить по дороге.

Танк был первой, но не единственной тревогой «Ниндзи». Было что-то еще. Зверь отнесся к словам Кости, как к вполне серьезным разведанным – интуиция Кёсиро еще ни разу не подводила. Но вариантов других не было и что-то менять на ходу, даже доверяя его плохому предчувствию, было уже поздно. Разве что группа не стала барствовать, оставила свой микроавтобус в «зеленке» и в ускоренном темпе броском преодолела последние пару километров к развалинам на окраине бывшего села. «Рафик», как по старинке называли бойцы свой транспорт, можно было спокойно забрать вечером и доехать в расположение. Или, если не повезет, возвращаться на своих двоих окольными путями, коих было великое множество. Как говорить, потный – не мертвый, а бежать – не лежать. Так что группе предстоял дневной отдых и более-менее сытный обед, поскольку отправившиеся на небеса укроповские артиллеристы поделились со своими донецкими гостями неплохими продуктами, в том числе и домашнего производства.

Максим приказал всем отдыхать, выставив двойной дозор в составе Ромы Каланчи, Васи Мелкого и снайпера группы Олега Дейнеко с позывным Зверобой. Парни разошлись, точнее,

⁷ «Двухсотые», «трехсотые» – груз 200, груз 300, кодовое обозначение в зоне боевых действий убитых и раненных.

расползлись – уже светало – по направлениям север-юг, а Олег занял единственную удобную точку на непонятно как уцелевшей голубятне. Оттуда вся прилегающая местность была как на ладони, а уцелевшие рядом с голубятней деревья серьезно мешали рассмотреть самого Зверобоя.

Не зря говорят – утро добрым не бывает. Нет, с одной стороны никакого добра «Стикс» в ряды укровоаяк не принес. Видимо, когда начальство обнаруживало очередную вырезанную под корень артиллерийскую батарею, вряд ли оно вспоминало какие-то добрые слова.

Но все оказалось проще и нелепее.

В это утро стрелять должна была не только батарея, которую обезвредил «Стикс». Потому что украинские киношники снимали очередную пропагандистскую киноподделку типа провалившихся в недавнем прокате «Киборгов»⁸, поэтому им нужны были батальные сцены, а точнее – съемки артобстрела. Куда стрелять, режиссеру было фиолетово, главное – дым, пламя, дрожание земли, дымящиеся гильзы и прочий реализм, мать его. А поскольку нужны были выстрелы из разных калибров, то недалеко готова была еще и батарея САУ «Акация» с 152-миллиметровыми орудиями, с которой и хотели начать свое утро украинские «мытци», что в переводе с украинского означает – художники.

Художники – от слова «худо». Или от слова «худоба», что в переводе с украинского означает «скотина».

На тот момент, когда вырезанная командой Зверя украинская батарея должна была открывать огонь, никто из представителей командования в ее расположение еще не прибыл. То есть, конечно, в штабе делали попытки связаться с отдельно стоящим подразделением, но связи не было, мобильники укровоаяк не отвечали, а соседние пехотинцы просто забили болт и на все призывы начальства отвечали, что наблюдается движение противника и пулеметный обстрел на флангах. И поэтому послать в расположение батареи гонца не имеют возможности.

То есть, таким макаром мягко посылали свое начальство подальше...

Одним словом, камеры были настроены, ракурс взят, солнце взошло. И на фоне утреннего тумана и рассвета вместо «Гвоздик» «расцвели» огнями своих выстрелов «Акации». А чтобы были видны не только сами выстрелы, но и их результаты, цель была намечена не на территории, занятой противником, а неподалеку, в нейтральной зоне – как раз в том самом разрушенном селе, которое заняла группа «Стикс»...

Ничего этого Максим Зверев не знал, и знать не мог. Нелепая случайность, которая так часто бывает на войне, и которая может спутать даже самый совершенный и продуманный план, в этот раз оказалась, что называется, роковой.

Заслышав в воздухе характерный свистящий звук, Зверь моментально скомандовал группе «Воздух!» и прыгнул за стену дома, которая одна только из всего дома и сохранилась, поскольку была из бетонных блоков – видимо, бывший склад. И тут же земля стала сотрясаться, а по улице встал лес разрывов, причем, лес, который стеной шел прямо на затаившихся в развалинах бойцов.

Еще был шанс отлежаться, судя по всему, налет был несистемный и случайный, но тут Зверь увидел, как через улицу к нему бежит Настя-Стерва, причем, бежит полуодетая.

«Вот чистюля, видимо, бегала на соседнее подворье скупнуться, там вроде колодец есть», – только и успел машинально подумать Макс.

⁸ «Киборги» – созданное украинской пропагандой прозвище украинских солдат, оборонявших Донецкий аэропорт, который позволял украинской артиллерии обстреливать жилые кварталы Донецка, так как там была вышка, с которой корректировались эти обстрелы. Аэропорт был взят ополчением ДНР, украинские «воины» были уничтожены, в живых осталось чуть более десятка солдат, взятых в плен и потом отпущенных домой. Украинская пропаганда поспешила объявить этот позор Великой Победой (пєрємогой – укр.) и назвала оборонявшихся там военнослужащих и добровольцев «несломленными киборгами». На основе этих событий были сняты несколько документальных и один художественный фильм, который в украинском прокате провалился.

Но сразу же его тело автоматически метнулось навстречу подчиненной, как будто могло заслонить девушку от крупнокалиберного снаряда. Зверь почти успел – успел подбежать к Насте, дернуть ее за руку и практически перебросить за низкий полуразрушенный штакетник, за которым лежали бетонные кольца – то ли для колодца, то ли для какого коллектора. Впрыгнуть туда – и есть шанс уцелеть, если, конечно, не будет прямого попадания. Стерва успела увидеть, куда направил ее командир, и особо не мешкала, добавив к своему ускорению силу своих длинных и прыгучих ног.

А вот Макс не повезло – в спину его что-то толкнуло, и в голове как будто взорвалась граната. А потом наступила тьма...

Глава вторая. Снова одиннадцать

...Голова просто раскалывалась. Глаза не хотелось открывать, казалось, если их открыть – они лопнут от боли. Но если есть боль – значит, жив, значит, не все так плохо, потому что, если голова болит – значит, ее не оторвало снарядом. С этой мыслью Максим Зверев открыл глаза. Но они почему-то не открылись. Причина была проста – на них была повязка. Точнее, даже не повязка, а марлевая нашлапка, причем, весьма холодная.

– Очнулся, боец! – женский голос доносился откуда-то справа.

Макс хотел снять марлю, но чья-то мягкая теплая, скорее всего, женская рука пресекла его попытку в зародыше.

– Не спеши, ишь, какой шустрый! У тебя там все так опухло, глаз под бланшем не видно, – ворчливо продолжила невидимая женщина.

– Да ладно, сестричка..., – начал было Макс, но, услышав свой голос как бы со стороны, осекся. Голос его был непривычно тонким, писклявым, каким-то детским.

«Неужели осколок задел связки», – подумал Зверь, но додумать эту мысль ему не дали.

– Это что это у меня за родственничек тут образовался, а? Братец Иванушка, тоже мне! – женский голос явно выражал неподдельное возмущение.

«Я...Я...», – Макс пытался овладеть своим голосом, но у него ничего не получалось. Вдобавок, сам того не желая, он вдруг всхлипнул и с удивлением почувствовал, что ему хочется во весь голос зареветь. Слезы предательски уже закапали из глаз.

– Ёханный бабай! – вырвалось у Зверя внезапно.

Фраза эта, исполненная в новой тембральной краске, слушалась очень смешно – так она не соответствовала настоящему голосу автора. Было такое впечатление, что проснулся Бура-тино, но ругается, как Карабас-Барабас.

– Это еще что такое? Я сейчас доктору расскажу о том, что ты так ругаешься! Такой маленький, а уже так выражается! – раздался стук каблуков, потом хлопнула дверь.

Макс решительно снял с глаз марлю и натурально офанарел. Нет, как и ожидалось, он лежал в больничной палате, на больничной койке и обстановка вокруг была совершенно больничная. Но не это привело его в ступор – после ранения он и должен был попасть в госпиталь. Его повергло в шок то, что он не увидел своих ног! Точнее, не увидел их там, где должен был увидеть. Максим Зверев был весьма крупным мужчиной, росту в нем было метр девяносто два и обычно на больничных койках его ноги упирались в спинки любой кровати. А здесь в том месте, где он ожидал увидеть свои ноги, была пустота.

«Неужели ампутация?» – запоздало шарахнуло в голове.

Второй шок возник сразу же после первого – вокруг него в палате находились... пацаны лет по 10–12. Все в бинтах – кто с рукой, кто с ногой, а кто с головой, перемотанной весьма основательно. Ну, впрочем, это не шокировало – видимо, снова был обстрел школы, такое бывало довольно часто в Донецке и его окрестностях. Шокировало другое – как только Макс снял повязку с глаз, пацаны наперебой заговорили.

«Ну, ты даешь, тихоня!»

«Ты Светку уделал, гля!»

«Она счас Пал Палычу наябедничает»

«Ты че тут выпендриваешься, самый умный?»

Последнюю фразу произнес самый старший малец, на вид ему было уже лет 14, а то и все 15. И вот тут накатила последняя шоковая волна точнее, даже не шоковая, а волна какого-то неестественного ужаса пополам с оцепенением. Такого Максим не помнил уже давно, наверное, с самого детства, потому что после срочной службы в армии, кстати, еще советской, уже разучился бояться и цепенеть. Не гимназистка, чай, не маленький.

Но липкий ужас распространился по телу независимо от его сознания. Потому что Максим внезапно увидел свои ноги. Они были на месте, точнее, росли, как им и положено, сверху вниз и торчали, соответственно законам анатомии, из таза, или, как сказал бы старшина Мамчур, «з того места, яким серуть». Вот только были они очень короткими, точнее, маленькими. Как и все его тело. Вернее, телом это назвать было нельзя – так, тельце. Ручки, ножки, пальчики.

Похолодев, ничего не понимая, Макс резко вскинулся, сел и так же резко встал со своей кровати. Вернее, сделал попытку встать. Как только он из положения лежа перешел в положение сидя, в голове что-то сильно зашумело, и резкая боль внезапно стала невыносимой. А следующая попытка превратить положение сидя в положение стоя привела к тому, что свет в глазах Макса снова померк и наступила тишина.

... Боль пришла неожиданно щадящая, причем, не во всей голове, а только в области затылка. Но зато уже такая... конкретная – не похожая на контузию, а, скорее, на ощущение после того, как кто-то врезал прикладом по затылку. Секунду спустя нос обжег какой-то резкий запах. Макс открыл глаза и попытался отвернуть голову от какой-то мягкой ткани, которая тыкалась в его нос.

«Нашатырь», – вспомнил он и открыл глаза.

– Наконец-то, слава Богу, очнулся!

Над ним склонились какая-то девица и довольно молодой мужик в очках. Оба были в белых халатах, видимо, врач и медсестра, так как у мужика халат был более опрятным и как бы более дорогим, а у девушки выглядел попроще, и немного потасканнее. Кстати, если судить по лицам, то все было с точностью до наоборот – потасканным выглядел уже мужик. Наметанным глазом разведчика Зверь впитал информацию за секунды, несмотря на ранение.

Он приподнялся на локтях и осмотрелся. Удивительно, но этот процесс его тело выполняло с трудом, как будто Максим был не человеком, а старым заржавленным роботом. Сознание все еще находилось в ступоре, потому что тело свое сержант Зверев совершенно не узнавал.

– Ты, Зверев, заставил нас поволноваться. То ругаешься таки, как биндюжник, то в обморок падаешь, как гимназистка!», – у мужика в очках был явно какой-то одесский говор.

«Ну-ну, фамилию назвал правильно, надо осмотреться и освоиться, все ответы придут сами собой, надо просто не суетиться и расслабиться. Не на фронте, не под обстрелом, не будем кипешевать», – Максим постепенно, по сантиметру, стал проверять моторику своего тела.

Пальцы сжимались и разжимались, голова на шее поворачивалась вправо и влево, в общем, все функционировало, надо было попробовать встать. Но тут ему неожиданно помогли – врач и медсестра взяли его под мышки, подняли и уложили на его же кровать, с которой он, вероятно, свалился. Да так неудачно, что, судя по болевым ощущениям, затылком припечатался о паркет.

– Ты давай головой не верти и глаза не выпучивай. Не делай мне такие глаза, шо мне страшно, – мужик явно кому-то подражал, его типа одесские фразочки совершенно не соответствовали его внешности, такой как бы сказал Ефим Копелян⁹, «чисто арийской, характер нордический, твердый». Потому что этот «канающий под одессита» больше напоминал «карячеко ээстоннцааа», нежели завсегдатая Привоза.

– В общем, Светлана Петровна, вы за этим шкетом приглядите, и хлопчики хай тоже пошустрят, а то, я погляжу, наш летчик может нам еще пару прыжков без парашюта сбавать, а я пока в цугундер не желаю, у меня семья и дети малые, – с этими словами мужик поправил на носу очки, встал с кровати Макса и вышел из палаты.

⁹ Ефим Копелян – советский актер, занимавшийся также дублированием многих иностранных фильмов. Был закадровым голосом в легендарном советском детективе «Семнадцать мгновений весны», где начитывал строчки из досье на различных нацистских лидеров и офицеров СС. Слова «истинный ариец, характер нордический, твердый» стали крылатыми и вошли в поговорку, как сейчас говорят, стали «мэмом».

– Ага, дети малые, как же, – негромко вслед прошипела Светлана Петровна. – Тебе до детей – как до Киева раком.

Хотя сказала она это еле слышно, чуткое ухо разведчика эту фразу зафиксировало.

«Ставим второй плюс – зрение в норме, слух в норме, с координацией будем разбираться, как и с головой».

– Чего молчишь, герой, – это Светлана обратилась уже к нему. – Будешь еще хулиганить и медперсонал пугать?

Светлана Петровна, или Светочка, как называли ее пацаны в отделении (откуда-то в памяти всплыли все эти подробности), выжидательно смотрела на Макса сверху вниз. Ну, да, росту в Свете было почти метр семьдесят, Звереву еще до нее расти и расти (снова память услужливо выдала расчеты антропометрии Максима на ближайшее будущее).

Макс покачал головой, не желая пугать самого себя своим же новым голосом.

– Ну, тогда ладно, но смотри у меня! – Светочка крутнулась на каблуках, махнув полами своего довольно легкомысленно укороченного халатика, тоже вышла из палаты.

И тут снова зашумели его соседи по палате. Они сразу же собрались у его кровати и наперебой стали обсуждать события последних пяти-десяти минут – и как Макс ругнулся, и как скопытился на пол, как приложился затылком, как прибежала Светочка, а потом примчался Пал Палыч...

– Пацаны, харэ гундеть! – все еще не узнавая своего детского голоска, пробормотал Зверь. – Дайте мысли в кучу собрать.

– Какие мысли, зубрила? Были бы мозги – было бы сотрясение, да? – эту фразу, перекрывая галдеж, высказал тот самый, самый старший пацан, чернявый подросток с нагловатым выражением лица.

При этом он вальяжно присел на кровать Макса, причем, прямо на его ноги, и, поерзав на них, видимо, специально, оперся на спинку кровати, закинув свои ноги почти ему под нос.

В тело Макса стремительно возвращалась не только память, но и силы. Судя по всему, с его телом все было в порядке. Причем, к нему возвращалась не только его собственная память бывшего спецназовца внутренних войск МВД СССР, а ныне – командира разведывательно-диверсионной группы «Стикс» армии Донецкой народной республики, но и еще какая-то другая память. Другая, но в то же время какая-то родная. Его детская память. Все его детские обиды, провинности, а также достижения, свершения и знания. Те знания, которые, став взрослым, он совершенно утратил. Вот, к примеру, кто помнит, как сделать из прищепки самострел? А Макс вдруг вспомнил. И все, что с ним произошло, он тоже вспомнил. И причина попадания в больницу стала ясна.

Вот только силы к нему вернулись не совсем его. Точнее, не силы взрослого пятидесятилетнетрехлетнего мускулистого девяностокilограммового бойца, мастера спорта по смешанным единоборствам, разведчика и диверсанта с опытом боевых действий, и почти двухлетней гражданской войны – нет. Вернулись к нему силы обыкновенного мальчика, каким, судя по всему, сейчас и был Максим Зверев. Которому было одиннадцать лет. В этом феномене еще следовало разобраться. Но сначала нужно восстановить статус кво.

Поскольку с силами все еще было непонятно, Макс решил обойтись только умениями. Аккуратно, почти нежно он взял нагловатого посетителя своей кровати за голеностоп одной рукой, а второй провел простейший прием из арсенала борьбы самбо – скрутку пятки. Мальчишка, не ожидав такого обращения со своей конечностью, завопил от боли и моментально свалился с кровати Макса на пол. Ему это удалось сделать так быстро только потому, что Зверев не фиксировал ногу, а, скрутив пятку, тут же сообщил телу своего внезапного визитами дополнительное ускорение сверху вниз.

– Ты, ботаник, совсем уже тю-тю? Башкой тронулся, да? – взвыл подросток.

Но вставать не спешил, а бочком-ползком, как крабик, передвинулся к своей кровати и заполз на нее. Видимо, прием произвел на него впечатление, а боль в голеностопе не позволила моментально дать «ответку». Но все оказалось проще – у чернявого была своя «подписка» – так на подростковом слэнге того времени (1976 год – снова услужливо подсказала его память) – назывались те, кто «вписывался» или «подписывался» защитить, если тебя кто-то обижал. Именно свою «подписку» и позвал этот парнишка, который был в этой палате за главаря. Ну, не то, чтобы за главаря – не были эти пацанята даже дворовой шпаной или какими-то хулиганами. Но, как это бывает в мальчишечьем коллективе, всегда в относительно замкнутом пространстве выявляются неформальные лидеры, болото и, конечно же, неформальные изгои. Судя по всему, в последних и числился Максим Зверев.

– А, ну-ка, ребя, научите этого ботаника, как надо правильно себя вести!

Обращение Валика (так, оказывается, звали этого командира) – подняло с кровати двух мальчишек, у которых были забинтованы руки, причем, у одного – правая, у другого – левая. У самого Валика, как и у Макса, была перевязана голова.

Стас и Влад – так звали этих разноруких – не спеша подошли к кровати Макса. Тот выжидающе смотрел на них, не собираясь ничего не предпринимать. Кого бояться? Сопливых пацанов? Что они смогут сделать в нем?

На какое-то время Максим забыл о том, какие метаморфозы с ним произошли, ситуация откровенно его забавляла, просто было ощущение, что он провалился в свое далекое детство. Именно такой случай произошел с ним в этом самом детстве, когда он лежал в больнице. Он вспомнил, по какой причине он тогда угодил на больничную койку – во время игры в войнушки на развалинах старого дома ему в голову прилетел увесистый булыган. Вообще-то мальчишки кидались кусками рыхлой глины, которая вывалилась из разрушенных стен частных домов, шедших под снос, но, видимо, кто-то в горячке боя перепутал. И вот теперь Максим Зверев лежал в больнице с легким сотрясением и шрамом, который остался у него над правой бровью на всю жизнь. Вернее, тогда лежал...

И конфликт у него тогда был...

...Сопливая «подписка» уселась на его кровать (да что их всех на кровать-то тянет?), а потом, ни слова не говоря, Стас и Влад – каждый со своей стороны – принялись давить его сверху подушками, которые им моментально перекинули с других кроватей. Ну, давить – это слишком сильно сказано, Макс, прошедший в своей взрослой жизни не одну сотню схваток на борцовском ковре и по самбо, и по бразильскому джиу-джитсу¹⁰, не говоря уже о ММА и панкратионе¹¹, внутренне даже рассмеялся. Но, тем не менее, весу в нем сейчас было не девяносто кг, да и телосложение явно не как у Геракла и даже не как у Брэда Питта¹². Так что надо было показать парням, что они неправы.

Как и ожидалось, показательные выступления прошли достаточно легко. Сначала Зверь, нащупав здоровую руку одного из «карателей», которой он пытался прижать свою подушку к голове строптивного новичка, схватил его большой палец и легонечко нажал указательным пальцем левой руки в болевую точку, ущемив сухожилие. Вреда никакого, а боль ужасная.

Как и ожидалось, один из мальчишек – то ли Стас, то ли Влад – с воплем отскочил, бросив подушку и размахивая своей не забинтованной клешней. Тем временем Макс, немного сместившись уже вправо и освободив рот, чтобы свободно дышать, схватил правой рукой второго нападавшего за кисть его левой руки, предварительно сдернув ее с себя немного вправо-вниз, а свою левую руку закинул на его левую руку сверху и просунул под нее, соединив со своей пра-

¹⁰ Бразильское джиу-джитсу – разновидность борьбы, которая начинается в стойке, но проводится в основном в партере, в отличие от японского джиу-джитсу. Изобилует разнообразными болевыми приемами.

¹¹ ММА, панкратион – стили смешанных единоборств, в которых совмещены ударная и борцовская техника, а также борьба в партере, где разрешены многие болевые приемы. Напоминают боевое самбо и кудо.

¹² Брэд Питт – суперпопулярный американский киноактер, отличавшийся атлетическим красивым телом.

вой рукой, взяв при этом левой рукой свою правую руку за кисть. После чего рывком повел обе руки вверх, взяв левую руку нападавшего на излом. Этот прием в бразильском джиу-джитсу называется «кимура», очень прост в исполнении и весьма эффективен при борьбе в партере.

Эффект превзошел все ожидания.

– Пусти, больно-больно-больно, аааа! – второй несостоявшийся «консильери» заорал так громко, что Макс не только выпустил его руку из захвата, но и оттолкнул его подальше со своей кровати. И когда на крики в палату снова ворвалась медсестра Светочка, Зверь спокойно возлежал на своей кровати, а вокруг его кровати скакали двое его соседей по койкам, тряся в воздухе почему-то не больными, а здоровыми руками, пытаясь баюкать их руками перевязанными. Было такое впечатление, что они внезапно осознали, что произошла врачебная ошибка, и хирург Пал Палыч забинтовал им здоровые руки, забыв полечить поломанные.

– Что у вас снова творится? Зверев, снова твои выходки? – Светочку, видимо, оторвали от какого-то важного дела, и она орала, что называется, уже на пределе слышимого звукового барьера, стремясь перейти на ультразвуковой диапазон.

– А чё я? – Макс пожал плечами. – Я сплю, – с этими словами он отвернулся к стене.

Ошарашенные не только тем, что произошло, но и тем, как повел себя этот странный мальчишка, обитатели травматологии даже не нашлись, что сказать. Стас и Влад пробормотали только что-то насчет «ударился-подскользнулся», а Валик, уже придя в себя, быстренько, вскочив с кровати, выпроводил Светочку из палаты.

Тишина настала такая, что хоть вешай на нее сушить белье.

Макс наконец встал и, все еще осваивая управление своим телом, не спеша подошел к зеркалу, которое висело возле умывальника. Оттуда на него смотрел Максим Зверев, мальчик одиннадцати лет, ученик 31 средней школы города Днепропетровска, пионер, хорошист, книголюб и завсегдатай местных библиотек, эрудит и хилиак, в общем – он сам, каким он был в далеком 1976 году, в котором он, судя по всему, внезапно оказался.

То есть, выражение «пришел в себя», как ни странно, оказалось буквальным.

Макс попал в прошлое.

В свое прошлое.

В свое собственное прошлое.

В свое собственное тело.

Глава третья. На правах гостя

Днепропетровск. Год 1976.

Прежде чем собрать все мысли воедино и попробовать понять, что же с ним все-таки произошло, необходимо было вначале, как говорится, легализоваться. То есть, определить свое положение, место и, конечно, время. После чего уже решать глобальные проблемы, в том числе, и темпорального характера.

«В палате надо бы меньше проявлять свою взрослую сущность, – лихорадочно соображал Зверь. – Сначала оглядеться, присмотреться, прокачать свою собственную память, восстановить, так сказать, связь времен. И не размениваться на всякие там выяснения того, кто тут круче, и кто главнее. Дал отлуп – и ладушки. Продолжать лучше не стоит. Не хватало еще вспомнить свои детские обиды и реализовывать всякие вендетты...»

В принципе, что взять с пацаненка? Не босяк, обыкновенный такой мажористый¹³ подросток с барскими замашками, наверное, папа какой-то завмаг или что-то вроде того. Тогда еще для таких особых больниц или там других благ не было, на всякие спецотделы и спецобслуживание претендовали только семьи партийной верхушки, в Днепропетровске, в котором родился и вырос Максим, это была категория от первых-вторых секретарей районных комитетов КПСС и выше. Вплоть до обкомов. А мелкая шушера, вроде инструкторов райкомов коммунистической партии Советского Союза и комсомольской шелупони, довольствовалась общими условиями. Хотя, если честно, в советские времена они были весьма неплохими, а уж стационар в больницах всегда был на должном уровне. Тем более, в городе Леонида Ильича Брежнева – Днепропетровске. Так что Валик этот – обыкновенный советский подросток, а поведение его – вполне типичное для самого старшего, то есть, самого сильного и опытного в палате. В школах всегда было так, ничего не поделаешь – стадный инстинкт. Так что гнобить его не надо...»

Додумать все роящиеся в голове мысли Максиму не дали.

– Ну, ты, ботаник¹⁴, даешь! А чего сразу не сказал, что самбист? Давно занимаешься? – чернявый Валик был сама любезность.

– А что мне – надо было сразу сказать: не бейте меня, я боксер? – улыбнулся Макс.

Улыбка у него вышла вовсе не мальчишечья, а какая-то слишком взрослая, даже хищная. И Зверь это почувствовал. Поэтому сразу постарался сгладить возникшую неловкость, психологически перестроив разговор, и, поменяв тему, задал встречный вопрос.

– А чего это ты меня в ботаники зачислил?

Максу не стоило равнять свой жизненный опыт, профессионализм и наблюдательность разведчика с опытом подростка, причем, советского подростка, с безмятежным советским детством. Так что все то, что замечал и подмечал он, в поле зрения его нынешних сверстников, скорее всего, не попадало.

– Смешной ты... боксер... – Валик, как и следовало ожидать, не обратил никакого внимания на улыбку Зверя. – Ты, как к нам в палату попал, так мама твоя прибежала, сначала переживала, что башкой ударился, а потом книг тебе нанесла целую кучу, мол, мальчик ее скучать будет, а еще он читать любит, вот ему книжки его... – Валик старательно передразнил причитания мамы Макса.

– Читать люблю, это верно. Но это же не... – Макс чуть было не ляпнул «не запаadlo», уголовный лексикон часто проскакивал у военных, тем более, в «его» время. – Это же не показатель того, что я – зубрила. Книги читать полезно, многое можно узнать.

¹³ Мажористый – от термина «мажор», то есть, сын высокопоставленных или, позже, богатых родителей. Появилась кличка в конце 80-х, а стала популярной уже в 90-е годы после песни лидера группы ДДТ Юрия Шевчука «Мальчики-мажоры».

¹⁴ Ботаник – презрительная кличка отличников, синоним «заучка» и «зубрила».

– Так я и говорю – ботаник, – заржал Валик, его поддержали его приятели, уже отошедшие от шока, как психологического, так и болевого.

– Ну, можно, конечно, и так – учиться я люблю. Но без фанатизма, – согласился Макс. – Но одно дело – зубрить ради отметок, а совсем другое – когда предмет нравится. Вот если ты физику любишь – ты что, зубрила? Ботаник? – Ошарашил неожиданным доводом Зверь.

– Ну, ты даешь! То физкультура, чего там зубрить? Как через коня прыгать?

– Хорошо, пусть не физкультура. Я, например, географию люблю, хочу после школы по миру путешествовать, по разным странам, вот, учу, где какие страны, что там есть, какие люди живут. Или, вот языки иностранные – они ведь нужны, опять же, чтобы путешествовать по всему миру. Ну, как минимум, английский язык, он ведь как язык международного общения. Так что я – зубрила, по-твоему? – Максим говорил, а сам прислушивался к своему голосу, анализировал состояние своего тела. И с удовлетворением отмечал, что все больше и больше заполняет себя собой. То есть, сознание того, маленького Макса Зверева, одиннадцатилетнего щуплого подростка из своего прошлого взрослым Максимом Зверевым.

– Допустим, языки иностранные, география... Мне вот, кстати, еще история нравится, вы ее еще не проходите. Да и географии у вас еще нет, и языки только с пятого класса учат. Чего это ты раньше времени башку знаниями решил загрузить? – Валик удивленно посмотрел на Макса.

– Да у меня брат старший в шестом учится, я его учебники просматривал, интересно было, – соврал Макс.

– Так ты у брата глянь еще математику с физикой, а также геометрию и химию, во где знания! Только вот это мне зачем? Я что – химиком буду? Или физиком? Зачем мне все эти законы Ньютона и правило буравчика? А все эти квадраты гипотенузы равные сумме квадратов катетов, все эти трапеции и параллелепипеды – на фига они мне? – это уже подал голос еще один обитатель палаты, весьма упитанный мальчик, которого, как уже помнил Максим, звали Андреем. Он в экзекуции не участвовал, был посторонним наблюдателем.

– Да, Андрюха прав, в школе столько мусора нам впихивают, голова пухнет! – Валик был рад поддержке.

– Вам... – начал было Макс, но запнулся. – Нам не мусор впихивают, а знания. Это база, фундамент, на него потом ложатся те знания, которые каждый уже будет загружать по собственному желанию. И сейчас трудно сказать, кто кем в жизни будет. Я, вот, может, хочу стать космонавтом, а мне здоровье не позволит, – продолжил он, посматривая на своих соседей по палате уже более внимательным взглядом.

Все засмеялись – действительно, щуплый, даже, скорее, хилый Макс на космонавта явно «не тянул».

– Ну, вот, или, захочу я, к примеру, стать военным. Допустим, артиллеристом. А там без геометрии, без математики никуда. Таблицу стрельб составить, секторы обозначить, поправки на ветер делать, угол атаки рассчитать – это все математика. – Макс понял, что сказал лишнее, но уже было поздно.

– А ты откуда все это знаешь? Тоже у брата подсмотрел? – спросил Стас.

– Не, не у брата. Книжки читаю. Например, есть такая «Книга будущих командиров»¹⁵. Я ее в библиотеке брал. Там много интересного – и по математике, и по географии, точнее, по топографии. И физика там тоже есть. Но это так, просто пример. Вот, химия тоже военным нужна. В минно-подрывном деле. А также будущим врачам не помешает. Или строителям –

¹⁵ «Книга будущих командиров» – популярная в советское время книга для определенной части подрастающего поколения, так сказать, прообраз учебника для юных «реконструкторов», где описывалась форма, знаки различия, оружие и многие битвы разных армий мира, в том числе и Красной, а потом, Советской Армии. Там же излагались технические подробности разных видов оружия, описание различной военной техники и тактические приемы действия различных армейских подразделений.

там ведь надо знать, какие краски на какое покрытие как наносятся, сколько надо разводить и в какой пропорции цемента и песка и в воде, чтобы получить хороший бетон. А то замесишь массу, а потом все это осыплется к тебе... к чертовой матери, – Макс снова осекся.

– Вот ты мне сейчас дедушку моего напомнил, он, прорабом на стройке работает, – это подал голос последний, шестой обитатель палаты, худощавый пацаненок по имени Юра. – Он тоже постоянно про свою стройку рассказывает, про бетон этот, мол, цемент некачественный завезли, на инженеров ругается, что из институтов пришли и ни черта не знают.

– Ну, вот, я и говорю – учиться надо хорошо, потом работать станете, будут вас все ругать постоянно, – Максим уже пожалел, что затеял этот спор.

– Работать... – лениво процедил Валик. – Когда мы еще будем работать? Пока школу закончишь – мозги все вскипят. А потом институт – еще пять лет. И после института смотря куда пойти работать. Вон, у меня папка заведующий магазином, ну, допустим, арифметика ему пригодилась, а все остальное – вряд ли...

«Я так и думал – мажористый пацан, родитель – барыга», – подумал Зверь.

– А чего я вас тут агитирую? – он решил резко сменить тему. – У каждого – своя башка на плечах. Хотите – учитесь, хотите – дурака валяйте, каждому – свое. Jedem das Seine. Между прочим, эти слова была написаны над входом в фашистский концлагерь Бухенвальд, – Макс тяжелым, недетским взглядом оглядел всю палату.

– Ну вот, при чем здесь концлагерь, фашисты? Мы про учебу, а ты тут прямо ленинский урок начинаешь. Ты, Максим, – Валик впервые назвал Зверя по имени, – часом не комс-орг? Хотя по возрасту вряд ли, наверное, только недавно в пионеры приняли? Но давай без кодекса строителя коммунизма, ладно? Кино насмотрелся? «Щит и меч?»¹⁶. «С чего начинаается Родина?», – издевательски пропел Валик.

– За восемь лет в этом концлагере было уничтожено – расстреляно, умерли от голода, были задушены в газовых камерах – более 56 тысяч человек. И фашизм – это не кино. И Родина начинается с каждого из нас. И когда-нибудь эту нашу Родину мы должны будем защитить, – тихо сказал Максим.

Он вдруг вспомнил 2014 год, сгоревших в Одесском Доме профсоюзов мальчишек, женщин, стариков, вспомнил, как прыгающих из окон добивали на земле озверевшие националисты, вспомнил погибших на Донбассе детей, их маленькие гробики и рыдавших навзрыд их отцов... Вспомнил фашистские кресты и эсэсовские символы на касках и форме украинских солдат... Вспомнил будущее своей Украины...

Видимо, его лицо в этот момент совершенно не располагало к каким-либо шуткам по поводу сказанного. В палате воцарилась неловкая тишина. Так бывает, когда внезапно в разговоре кто-то ляпнет какую-то дурость, или даже грубость, а все остальные не знают, как на это отреагировать. И тот, кто допустил ляп, не знает, как себя вести – показать, что случайность или сделать вид, что так все и должно было быть.

Максим не помнил, о чем они пацанами говорили в детстве, точнее, в ЭТОМ детстве, когда ему было одиннадцать. Про темы разговоров попозже помнил – школьные проблемы, особенно с одноклассниками, с которыми отношения не заладились сразу, потом игры во дворе, велосипед, обсуждение фильмов, книг, потом пошли предвестники азартных игр – крышечки, фантики, потом другие игры, например, в «стеночку», а потом уже и девчонок стали обсуждать...

Но вот не помнил Макс – говорили пацаны о таких вещах, как идеология, политика, будущее страны или нет? Кажется, детство советских школьников было настолько безоблач-

¹⁶ «Щит и меч» – суперпопулярный в СССР фильм про советских разведчиков режиссера Владимира Басова, главную роль в котором сыграл актер Станислав Любшин, а также дебютировал совсем юный Олег Янковский. Лейтмотивом фильма стала песня Вениамина Баснера на слова Михаила Магусовского «С чего начинается Родина?», превратившаяся в супер-хит советского поколения. Вышел на экраны СССР в 1968 году.

ным и счастливым, что политика упоминалась только на сборах металлолома и макулатуры, когда собирали в пользу каких-то там детей Анголы или Чили. Или же во время первомайских или ноябрьских демонстраций, когда все пионеры шли в колоннах с красными знаменами и транспарантами, кричали «ура!» и запускали в небо воздушные шары.

– Я просто про фашистский переворот в Чили много читал... у меня в Сантьяго жил друг. Мы переписывались... Он погиб... Его расстреляли... – Макс замолчал.

– Да знаем мы все – и про Чили, и вообще... Смотрели кино. «В Сантьяго идёт дождь»¹⁷ называется. Но при чем здесь Советский Союз? Фашистов давным-давно разбили, тридцать лет прошло, даже больше. Мы что – должны постоянно вспоминать про концлагеря и битву под Москвой? – толстый Андрей, кажется, был не на шутку раздосадован выпадом Макса.

– Ты, Андрюха, даже не представляешь, как фашизм может оказаться прямо у тебя за спиной. А фашисты, которых, как ты говоришь, давно разбили, завтра, ну, пусть не завтра, а, скажем, лет через тридцать-сорок, придут к тебе, лично к тебе в дом и застрелят тебя, твою жену, и твоих детей! – Макс начал заводится.

– Ну, все, боксер, брэк, мы уже поняли, что ты – настоящий пионер, у тебя, наверное, папа в горкоме работает? – примиряющее сказал Валик.

– Не боксер, а самбист, – поправил Влад, все еще баюкая свою не перебинтованную руку.

– Да, самбист, все, завязывай, с программой партии, мы политинформациями уже сыты по горло, кстати, обед скоро! Приемчик покажешь, тот, который мне сделал? – Валик, казалось, уже все был готов забыть, скорее всего, искал пути к примирению.

– Папа у меня работает инженером, а вот дедушка у меня – красный командир, прошел всю войну, концлагерь немецкий... И про фашизм я знаю гораздо больше, чем на наших – Макс подчеркнул слово на «наших» – на наших политинформациях нам говорят. – Ладно, когда там обед? Что, кстати, дают?

Ребята радостно загалдели, радуясь, что неприятная тема и вообще весь инцидент были забыты, стали обсуждать больничное меню, пошли разговоры о предстоящем футбольном матче местного «Днепра» и киевского «Динамо», в общем, пошел мальчишеский треп обо всем и ни о чем.

И только Макс, автоматически поддерживая общую беседу и вставляя иногда какие-то фразы, медленно остывал, стараясь совладать с внезапно выпершим наружу сознанием своего второго «Я». Которое уже заполнило до краев личность подростка Максима Зверева, мальчика одиннадцати лет, в теле которого он оказался так внезапно. И теперь предстояло понять – это временное явление, какой-то сбой во Вселенной, во времени и пространстве, или же ему, Максиму Звереву, кто-то там, наверху, предоставил второй шанс прожить свою жизнь.

«Так, чтобы потом не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы!» – вспомнил слова Павки Корчагина¹⁸ Зверь.

Вспомнил – и улыбнулся.

За окном был теплый сентябрьский день, пахло осенью и было так спокойно, что не хотелось не только думать о чем-то нехорошем, но и вообще о чем-то думать. Хотелось просто раствориться в окружающем мире и стать его частью.

Частью мира.

В который через сорок лет придет война...

¹⁷ «В Сантьяго идёт дождь» – художественный фильм совместного франко-болгарского производства о фашистском перевороте в Чили, когда был убит президент страны, социалист Сальвадор Альенде. Фраза «В Сантьяго идёт дождь» – пароль к началу военного мятежа в Чили в 1973 г. Переданная на военных радиочастотах, фраза стала сигналом для сторонников генерала Аугусто Пиночета к началу фашистского восстания.

¹⁸ Павка Корчагин – персонаж книги писателя Николая Островского «Как закалялась сталь», в котором Островский изобразил самого себя. «Жизнь надо прожить так, чтобы потом не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы!» – слова этого литературного героя стали пропагандистским штампом и тоже превратились в мэм.

Глава четвертая. Знакомство с самим собой

Из больницы Макс выписался быстро. Голова зажила, видимо, ничего серьезного не было – просто наложили пару швов над бровью, напичкали лекарствами, а поскольку симптомов сотрясения мозга хирург Пал Палыч не наблюдал, то и какой смысл держать Максима в травматологии? Это же не пробитый череп у того же Валика, тому еще пару недель надо было лежать и на процедуры всякие ходить. Так что папа забрал Максима домой уже через три дня. И хорошо, что папа, а не мама, которая в этот день уехала к своей маме, к бабушке Марусе. Потому что Зверю пришлось привыкать заново к своим родителям.

Правда, вначале он познакомился с бабушкой – папиной мамой, бабушкой Маней – которая жила на Амуре – в Амур-Нижнеднепровском районе Днепропетровска. Отец завершал ремонт в недавно купленной квартире, а у бабушки оставались еще кое-какие вещи. Которые и должен был Максим привезти домой.

– Я же больной, раненый, мне отдых положен, – попробовал было он заартачиться, когда отец прямо из больницы в субботу повез его на Амур.

– Ремень тебе положен, вот что! – рявкнул отец.

После чего развернулся и умчался, наказав бабе Мане накормить отпрыска и вечером отправить домой, нагрузив нужной поклажей.

Бабушка Маня Макса особо не донимала – накрыв на стол, пошла в огород, где работы еще было довольно много. А Зверь, наловившись от пуза всяких вкусностей, включая его любимый «наполеон», который бабушка готовила просто бесподобно, завалился спать. Видимо, сытость и перемена обстановки подействовала, а может перестройка организму была нужна – но проспал он почти до вечера. И уже в сумерках, нагрузившись рацными сумками и котомками, сел на автобус и поехал к себе на новую квартиру.

И уже там, наконец, пообщался с отцом не на бегу, а обстоятельно и подробно. Впрочем, с батей все было в полном ажуре – сознание пятидесятитрехлетнего мужика Максима Зверева позволяло одиннадцатилетнему подростку Максиму Звереву относиться к тридцатилетнему мужчине Виктору Звереву, его отцу, как-то даже по-отечески. Словно бы он, Максим, был не сыном, а отцом своего отца. В сущности, разница в возрасте между пятидесятитрехлетним сыном и тридцатилетним отцом именно такой и была. Но Виктор Зверев о ней не подозревал.

Одним словом, со своим батей Макс сразу поладил, заново воспринимая все те несправедливости – как он считал в детстве и которые мальчиком наотрез отказывался понимать – как вполне нормальные педагогические приемы. Хотя в детстве часто злился на родителей. Очень мудро кто-то сказал – «Пока свои дети не появятся, будешь ребенком и не поймешь своих папу и маму». Вот так и сейчас – дважды отец в будущем, Зверь прекрасно понимал своего отца и даже не пикнул, когда тот ему дома устроил выволочку минут на двадцать.

– Скажи спасибо, что башка у тебя раненная, а то бы я тебе сейчас врезал пару раз по ней. Чтобы дурь из головы выбить! – Зверев-старший был, как всегда, прямолинеен и груб. – Это ж надо было удумать – поперся на эти развалины, да еще стал камнями швыряться! Как тебе только башку там не проломили или вообще не отбили?

– Папа, я все понял, обещаю – больше не повторится, – тихо сказал Макс.

Зверев-старший даже немного опешил. Он ожидал, что Максим, как всегда, будет отгавкиваться, пререкаться, переговариваться, а тут вдруг – такое признание. А главное – обещание! Такого еще ни разу не было!

– Ну, надо же! Обещает он...

– Сказал же – обещаю! Глупостями больше не буду заниматься. Есть дела поважнее, – Макс постарался говорить убедительно.

– Какие это дела поважнее? Карбид в костер бросать? По подвалам бегать? С брызгалками? – отец Макса все еще не верил в такие разительные перемены сына.

– С брызгалками ты меня точно не увидишь. Глупости какие! – Макс улыбнулся, вспомнив свои детские шалости. – Гораздо полезнее вон в секцию стрельбы записаться, а не с этими... сосками бегать, позориться...

Зверев-старший совсем растерялся. Сын изменился просто на глазах. Он, конечно, хулиганом не был, наоборот – все свободное время просиживал в библиотеках, читал запоем, но иногда на него, что называется, находило, и он с пацанами все еще играл то в войнушки, то в индейцев, то просто лазил по балкам и оврагам. Хорошо еще, что в новом районе, где Зверевы только-только получили квартиру в новостройке, уже давно не было ни балок, ни оврагов, ни даже строек – остался злосчастный пятачок с опустевшими частными домами, на месте которых через месяц уже собирались строить детский сад. Пока же остатки четырех домов – это было единственное, так сказать, темное пятно на карте новенького рабочего микрорайона.

– Ну, стрелять тебе, допустим, еще рано – в секцию таких малых не берут, но вот то, что осознал свою дурь – похвально... Вот бы мать тебя сейчас послушала... Ладно, иди на кухню, пообедай, на больничных харчах, наверное, оголодал.

Отец Макса решил, что воспитательный процесс закончен и пошел в комнату, где его ждал процесс доводки квартиры до оптимального содержания. Ему предстояло закончить поклейку обоев. Мать Максима, Татьяна Зверева сегодня должна была вернуться только к вечеру...

Квартиру родители Макса купили, хотя советским гражданам квартиры чаще давали, точнее, выдавали. Такие квартиры были ведомственными – человек, работая на каком-то предприятии или в каком-то учреждении, получал ведомственное жилье. И, пока работал, жил в нем. Такова была государственная политика, которая, кстати, стимулировала своих граждан работать на одном месте, ибо «летуны» – те, кто часто менял место работы – мягко говоря, не поощрялись.

То есть, у Зверевых была не государственная квартира, которую в то время советским людям государство предоставляло бесплатно, а кооперативная, покупаемая гражданами в кредит. Макс точно не помнил, сколько она стоила – то ли семь, то ли восемь тысяч рублей. При месячной зарплате его родителей в двести рублей копить на нее надо было довольно долго. Вернее, не копить, а платить ежемесячный взнос. Плюс взнос вступительный. Но все эти подробности было настолько не важными для подростка, что и сейчас Зверь не стал копаться в своей предыдущей памяти. За сколько купили, когда, зачем? В памяти было еще много информации, причем, далеко не всегда нужной и важной. Главное, что она, наконец, полностью ему подчинилась, и он помнил до мелочей, и как себя вести, и что с ним происходило до сегодняшнего дня, и что он любит, что не любит, а что любят или не любят его родители, где что лежит и куда кто идет. В общем, он вспомнил все, причем, даже то, что потом с возрастом Макс давно забыл, как неважное или ненужное. А сегодня это оказалось и важным, и нужным. Поэтому отчетливо и очень рельефно выпятилась в его мозгах.

Но и память взрослого Макса Зверева никуда не ушла.

Память мастера спорта по боевому самбо и панкратиону, чемпиона Украины по ушу-саньда, выпускника института физкультуры и дипломированного тренера, который стал журналистом. А после того, как в стране началась гражданская война – разведчиком и диверсантом. И память эта хранила множество разных, иногда довольно специфических знаний, которые, тем не менее, вполне могли пригодиться здесь, в прошлом.

Сержант Зверев по прозвищу Зверь, осознав, что с ним произошло, никаких таких прогрессорских планов не строил. Он достаточно много в той, взрослой жизни, прочитал фантастики о всяких «попаданцах» из раздела «альтернативная история». И попавшие в прошлое представители будущего в той фантастике это свое прошлое изменяли, в конечном итоге, как

они считали, к лучшему. Точнее, так считали авторы этих литературных героев. Чаще всего эти «попаданцы» почему-то стремились не допустить Перестройки Горбачева, развала СССР, а еще раньше – начала Великой Отечественной войны, сталинских репрессий и прочих мерзостей «социализма с человеческим лицом».

Наверное, были и другие теории, и другие авторы. Просто сам Зверев, симпатизировавший именно этим теориям и жалеющий о развале Советского Союза, в котором родился и вырос, читал таких известных мэтров российской фантастики, как Василий Звягинцев, Владислав Конюшевский, Александр Конторович и других, из этой же плеяды. Кроме того, он увлекся книгами Александра Бушкова, особенно, его версией «России, которой не было», поэтому историю своей страны знал хорошо. Так что не думал, что он, обыкновенный солдат, журналист и спортсмен вот так внезапно попал в самого себя, только маленького, сразу начнет менять этот мир, обладая знаниями из прошлого.

Никаких особых знаний у Макса не было. Ни инженерных, ни научных – никаких. Разве только знания различных систем единоборств – от каратэ-до до ушу, от самбо, как спортивного, так боевого и прикладного, до системы израильской спецподготовки крав-мага, которая, впрочем, сильно напоминала как раз боевое и прикладное самбо. Но в нынешнем СССР про ушу и крав-мага еще и не слышали, тем более что она только-только создавалась, каратэ-до или, по-простому, каратэ было в диковинку, разве что спортивное самбо было очень распространено. Впрочем, скорее всего, в спецслужбах, в тех же КГБ или ГРУ, наверняка преподавали и джиу-джитсу, и прикладное самбо, а, вероятно, и другие системы боя с оружием и без.

Но что такие знания могут изменить в его прошлом, Максим Зверев не представлял. Да и особо не собирался представлять – вначале надо было оглядеться, приспособиться, в общем, просто пожить. А уж потом строить какие-то планы. Да и непонятно было – попал ли Макс в СВОЕ прошлое или же все-таки это какая-то параллельная Вселенная. А для начала стоило бы прояснить ситуацию, прежде чем принимать какие-то решения, тем более, глобального характера.

Ситуацию упрощал тот факт, что семья Зверевых только-только переехала в новую квартиру, и Максим как раз должен был идти в новую школу. И пошел бы, если бы не получил в минувшее воскресенье камнем по башке. Раньше он учился в совершенно другом районе города, Амур-Нижнеднепровском, как говорили в Днепропетровске, «на Амуре», кстати, районе, который считался в городе бандитском. А здесь был Красногвардейский район, район рабочий, потому что в основном здесь были дома тех, кто работал на двух близлежащих заводах – ДМЗ и ЮМЗ, Днепровском машиностроительном заводе и Южном машиностроительном заводе. Оба они были, как тогда говорили, «почтовыми ящиками» – секретными предприятиями, потому что работали на «оборонку». Как шутили сами днепропетровцы, ДМЗ выпускал летающие холодильники, а ЮМЗ – трактора с ядерными боеголовками.

О том, что днепропетровский Южмаш делал ракеты, не знали разве что маленькие дети. Потому что примерно раз или два в месяц там испытывали какое-то ракетное топливо. И по вечерам, примерно около восьми часов, на заводе что-то ревело так, что в доме, где поселились Зверевы, дрожали не только стекла, но и вся мебель. В общем, ЮМЗ работал на космическую программу и все советские ракеты, летавшие в космос, клепали именно на этом заводе. А поскольку оба завода были не просто большими, а огромными, то и работников там было очень много. Вот и строились новые микрорайоны с новыми девятиэтажками типового «чешского» проекта, заселявшиеся типовыми советскими рабочими и инженерами.

Мама и папа Максима были как раз этими «типовыми», точнее, типичными советскими инженерно-техническими работниками. ИТР. Правда, получали зарплату не стандартную, ИТР-овскую – 120 рублей плюс премия, а повышенную – 200 рублей и премия. Потому что работали на оборонном предприятии, да еще и в секретной лаборатории. Максим-маленький этого не знал, зато Максим-взрослый это прекрасно помнил.

...Итак, сегодня Макс был предоставлен самому себе, а вот завтра, в понедельник, предстояло первый раз идти в четвертый класс. Как раз началась первая четверть, но прошло всего пара недель сентября, в разгаре было «бабье лето», поэтому по-настоящему учиться еще было рано – можно было погулять, погонять в футбол, покататься на велике.

«Кстати, надо глянуть, у меня же был неплохой велосипед, «Минск», кажется», – подумал Макс.

Его верный конь стоял на балконе.

– Папа, я пойду на улицу, на велике погоняю? – Макс заглянул в комнату, где отец, утирая пот со лба, мазал клеем очередную обоину.

– А отцу помочь сын не желает? – яда в реплике Зверева-старшего хватило бы, наверное, на слона.

– Пап, ну какая с меня в этом деле помощь? Сам же не раз говорил, что у меня руки из жопы выросли?

Отец немного даже ошалел.

– Шось вэлыкэ в лиси здохло! – пропел Виктор Зверев. – С каких это пор ты стал увлекаться самокритикой? Раньше, помню, огрызался постоянно, когда я тебе про твои руки напоминал...

– Ну, а чего отрицать очевидное? Ну, не выросли руки, откуда нужно, так и ты их не вправил, правда? А теперь уже поздно. Хотя я, конечно, готов учиться, но давай не сегодня, ладно? И так голова гудит, а тут еще клея нанюхаюсь... – Макс многозначительно поднял глаза вверх.

– Ладно, раненый боец, можешь идти. Не тяжело велик на горбу тащить, больной? Может, поднести Вам, Ваше сиятельство? – отец был просто сама любезность.

– Нет, господин граф, я как-нибудь справлюсь, – Макс в ответ тоже съязвил.

Во дворе почти никого не было. И правильно – скоро полдень, все свалили на обед. Так что можно и покататься...

Но покататься не получилось. Только Максим отъехал от подъезда, как в руль его велосипеда вцепилась чья-то рука, а сзади за седло схватились еще две.

«Косой и его компания», – вспыхнуло в голове воспоминание из детства.

Максим-маленький Косого еще знать не мог – они ведь только переехали, а Сашка Косенко по прозвищу Косой жил в новом доме уже три месяца. Его дружки проживали по соседству, в близлежащих домах. Поэтому Макс еще не успел толком познакомиться даже с обитателями своего дома, а в войнушки играл в то злосчастное воскресенье совершенно случайно – зашел на развалины поискать деревянных брусков для отца, которому что-то надо было подправить на балконе. А там уже кипела битва. Началось все с брызгалок – пластиковых бутылок из-под всяких там постирушных химикатов, а закончилось бросанием камней... Ну, типа, гранаты. Вот одна такая «граната» и прилетела Зверю в голову. А теперь вот придется знакомиться с местной шпаной. Второй раз...

– В чем дело? – голос Макса был спокоен до невозможности.

– Ты смотри, какие мы деловые... – улыбаясь, пропел Косой.

– Какие мы – это мне решать, понял? – Макс сразу решил обострить ситуацию, чтобы раз и навсегда отбить охоту к нему лезть.

Это в прошлой жизни он полгода бегал от Косого и компании, пока отец не поговорил с батей Сашки и тот от него не отстал. А сейчас Зверь шутя мог справиться со всеми тремя обормотами, даже не вставая с велосипеда. Знаний и опыта у мастера спорта по боевому самбо и обладателю черного пояса по панкратиону Максима Зверева хватило бы и на взрослых, не то, что на подростков. И, несмотря на то, что Косому было лет 14, как и его дружкам, хилый на вид подросток, стоявший перед ними, мог буквально одним пальцем отправить каждого в нокаут.

Косой, видимо, не ожидал от незнакомого паренька такого нахальства. Тем более что пацан этот не выглядел угрожающе, и ни телосложением, ни лицом не походил на представителей районной шпаны, с которыми Косой уже был знаком и даже скорешился. Поэтому Сашка решил сразу же проучить наглеца.

– Слышь ты, деловой, ты смотри, шоб мы на тебя сейчас дело не завели, понял? – шпаненок угрожающе навис над великом Макса, перехватывая поудобнее руль.

– Ты грабли свои с велика убери! – тихо прошипел Зверь, раскручивая себя и накачивая злостью.

– А то что будет? – задиристо спросил Косой.

– Увидишь, – пообещал Макс.

– Та я счас ваше возьму твою лайбу да вон туда закину, – показал на развалины Косой.

При этих его словах стоящие за спиной Макса два приятеля его неприятеля попытались стащить его с седла, причем, самым грубым способом – за руки. И они ну никак не ожидали, что, сидя на велосипеде, можно драться. Да еще и без рук.

Поскольку ноги у Максима были свободны, то он, сползая на левую ногу, поставил ее на асфальт, а правой нанес удар по шкету, который стоял сзади и справа. Удар этот мог бы называться в каратэ уширо гери гедан – удар стопой или пяткой ноги назад, в ушу такой удар называется хоудэнтуй. Но Макс никогда не был фанатом «чистых» техник и всегда говорил, что самая эффективная техника – рабоче-крестьянская, то есть, та, которая эффективна, а не та, которая правильная. Поэтому он не стал бить пяткой в голову или солнечное сплетение, хотя мог бы. Он просто ударил ногой назад, но не в корпус, а в ногу стоящего сзади противника, точно под колено, в надкостницу. А поскольку боль от этого удара была очень сильной, то его правую руку дружан Косого тут же отпустил. И Макс, сразу же этой свободной рукой, точнее, локтем, добавил ему еще и в голову. Пацаненок, получив сначала неожиданно очень болезненный удар в ногу, с криком согнулся, но, когда сразу же ему прилетел в голову локоть, он просто рухнул назад, как подкошенный. После этого про данного оппонента можно было минут на пятнадцать забыть.

Продолжая начатое движение той же правой ногой Зверь, двинув ею назад-вниз, сразу же, как маятник, вынес ее вперед-вверх и махнул классический удар маваши или, по-китайски, пингуй, в голову стоявшему у руля велика Косому. Зверь бил не очень сильно, тем более что он еще не освоил возможности своего подросткового тела, но, видимо, мастерство он не потерял – удар пришелся точнехонько в левую скулу. И Сашка Косенко с криком просто перелетел через переднее колесо велосипеда метра на два в сторону.

Пока Макс бил назад и вперед – оба удара длились, наверное, всего секунды две – его левую руку продолжал держать третий шпаненок, не успевший даже понять, что происходит. Зверь не стал срывать захват, хотя мог бы легко это сделать, наоборот, он еще сам освободившейся правой рукой прихватил держащие его руки. А поскольку его правая нога после кругового удара в голову стоявшего впереди противника перелетела через руль велосипеда и Максим встал во всей своей красе перед последним оставшимся стоять членом гоп-компании, то, недолго думая, он молниеносно провел болевой на кисть руки противника, а потом, прихватив его за плечо, впечатал свое колено ему в живот. После чего провел бросок, точнее, просто послал последнего нападавшего в кувырок вслед за Косым. И тут же попытался подхватить падающий велик, который он удерживал только корпусом. Но не успел – его боевой конь грохнулся на асфальт.

Как ругается 11-летний подросток, никто не услышал. А жаль – ругался Максим виртуозно. Малолетняя шпана, вероятно, была просто в ступоре.

Вся схватка, точнее, даже не схватка, а выяснение отношений или попытка на него «наехать», в общем, все это длилось меньше тридцати секунд. И даже если бы кто-то все это видел, то ничего бы не понял – настолько быстро все произошло. Да и Макс не хотел устраивать какое-

то побоище или провоцировать драку. Мгновенный ответ на только-только нарождающуюся агрессию, причем, достаточно жесткий – это обезопасит от подобных попыток в дальнейшем.

Вся троица валялась на асфальте, ругаясь и вопя от боли, причем, вопили только двое, а тот, кого Зверь атаковал первым, похоже, был в отрубке. Макс не стал дальше качать права и как-то фиксировать свою победу, а просто, взяв велик, подошел к Косому.

– Значит так. Это тебе и твоей шобле урок – не надо хамить незнакомым. В следующий раз нарветесь – ответ будет более жестким, – внятно произнес Макс.

После чего сел на свою лайбу и неспешно покатыл к выходу со двора.

Вообще-то двора, как такового, у дома, в котором жили Зверевы, не было. Стояли квадратом пять девятиэтажек, в центре была детская и спортивная площадки, возле каждого подъезда стояли лавочки, да перед одним из домов стоял столик, где мужики по вечерам резались в домино. Некое подобие двора, как раньше, в 50-е года, было только за одним из домов – там просто остался незанятым под гаражи или новостройки участок земли. Стояли столбы с проводами, на которых женщины сушили белье, тот же столик для доминошников, детская песочница и старенькая горка, а также беседка, в которой по вечерам тискалось подрастающее поколение.

Все это Максим помнил своей взрослой памятью, поэтому подростку Максиму Звереву не было смысла тратить время на изучение нового района. И он решил просто проехаться по магазинам, так сказать, вспомнить детство золотое.

В гастрономе ассортимент особо не баловал. Привыкший, что в будущем в супермаркетах было все, в нынешней своей ипостаси Максим откровенно затосковал. Четыре вида вареной колбасы, два вида сыра голландского, несколько сортов конфет и весь остальной ассортимент продуктов, где было всего два-три сорта, радости не внушали. Разве что хлебобулочных изделий было много, сортов десять-пятнадцать, начиная с бубликов и заканчивая огромными буханками белого украинского хлеба. Также было полно пряников, причем, сортов пять, все свежайшие, а еще – много самых разных соков: и томатный, и яблочный, и персиковый, и даже березовый. Все в литровых и трехлитровых стеклянных банках. И, что важно – безо всяких консервантов и прочей химии.

Вот только тут Макс спохватился, что не взял с собой денег. И пошел к выходу из гастронома, где оставил своего верного коня.

Велосипед стоял там, где он его и оставил. В советское время велики воровали редко, потому что получать срок за такую мелочь никто не хотел, а пацанам не улыбалось попадать на учет в детскую комнату милиции и портить себе анкету. К тому же покататься можно было и так – взять у любого малолетнего шкета на время, а потом вернуть. Именно это, скорее всего, и собиралась сделать только что троица под предводительством Сашки Косого.

Выйдя из гастронома, Максим решил поехать домой другим путем, ностальгируя по своему детству и заново впитывая старые-новые впечатления. Ведь все он переживал заново – молодое, упругое тело, послушное любому приказу его опытного мозга, езду на велосипеде, легкий сентябрьский теплый ветерок, обдувающий его голову. И вообще – было очень приятно ощущать просто-таки разлитое в воздухе спокойствие и абсолютную безопасность, которая как бы окружала его со всех сторон. К сожалению, в будущем все это было безвозвратно утеряно...

Выезжая за гастрономом, Макс вдруг увидел железную клетку, в которой лежали горой арбузы.

«В такой клетке ВСУшники своих «аватаров»¹⁹ держали», – неожиданно вспомнил сержант Зверев.

¹⁹ Аватары – прозвище пьяных украинских военнослужащих, которых в виде профилактики, закрывали в железных клетках их командиры. Произошло от названия культового американского фильма «Аватар» про инопланетян с кожей синего цвета.

Воспоминания спецназовца с позывным Зверь время от времени всплывали в нынешнем подростковом, причем иногда совершенно неожиданно и не всегда в тему. Например, если только что навыки ведения рукопашного боя с несколькими противниками для одиннадцатилетнего подростка были очень даже кстати, то картинки из гражданской войны в Украине будущего сейчас резко контрастировали с тем, что окружало Зверева сейчас. И пьяные украинские солдаты, которых сами же украинцы прозвали «аватарами», для нынешнего времени были бы совершенной фантастикой, эдакой антиутопией.

«Да уж, расскажи нынешним военным, что возможно такое – пьяные в дымину военнослужашие на передовых позициях, грабежи и убийства мирного населения, стрельба по жилым кварталам из крупнокалиберной артиллерии, мародерство и продажа боеприпасов врагу – никогда не поверят! Даже фашисты в Великую Отечественную такое не вытворяли» – подумал Зверь.

«Нет, конечно, немецкие зондеркоманды тогда и расстреливали, и сжигали целые деревни, и города бомбили, но, во-первых, то ж были немцы, нацисты, а тут свои... И позициями своими немцы не торговали, и боеприпасами тоже, про грабежи я молчу – фельд-жандармерия там четко работала...», – Макс отвлекся от тяжелых воспоминаний и подошел к клетке с арбузами.

– Почем арбузы, – спросил он сонного продавца, небритого мужика лет под сорок.

– 10 копеек кило, – открыв глаза, лениво процедил продавец в грязном засаленном и когда-то белом халате, после чего вновь впал в спячку, развалившись на хлипком стульчике.

Макс чисто машинально хлопнул себя по карманам шортов, в которых вышел на прогулку и вдруг с удивлением услышал, как там что-то зазвенело. Порывшись в карманах, он насобирал горстку мелочи – в основном, по 10, 15 и 20 копеек. Был и один полтинник. В общей сложности неожиданный клад тянул на целый рубль и 15 копеек. Макс внезапно так захотел арбуза, что во рту даже появилась оскомина. Он лихорадочно стал рыться в этой полосатой куче, когда вдруг вспомнил, что у него с собой нет ни сумки, ни рюкзака, ни вообще какой-либо тары. И тут он заметил висевшую на углу клетки капроновую сетку-авоську. Видимо, кто-то забыл.

– Я могу взять эту сетку? – спросил он у продавца.

– Та бери, только потом назад принесешь, кто-то из покупателей забыл, искать будет, – открыв на минуту глаза, проронил продавец и снова задремал.

– А вот треснувшие есть, они же брак, чего не откладываете в сторону? – спросил он снова.

– Тебе надо – ты и откладывай. Могу по 5 копеек за кило продать! – уже раздраженно ответил продавец, даже не открывая глаз.

Зверь внутренне просиял – на свои деньги он смог бы набрать штук пять треснувших арбузов. Так и вышло – они даже не поместились в сетку. К его счастью, в это время к клетке подошел его сосед, дядя Слава, чья квартира находилась рядом с квартирой Зверевых.

– Привет, Максим. Как твоя голова? – спросил он, подойдя к клетке и выбирая себе арбуз.

– Нормально, дядя Слава, ничего серьезного. Вы, кстати, не обладаете лишней тарой? А то я вот тут навывбирал, а нести не в чем.

Дядя Слава по фамилии Фиртич, как все представители древней нации, был запасливым человеком. И уже через пять минут Максим вместе с так удачно подошедшим соседом катили на зверевском велике общий груз арбузов, развешенных на руле «Минска», а также вместительную сумку с продуктами, размещенную на багажнике, которую придерживал дядя Слава.

Арбузов в тот день он принес целую гору и, пользуясь тем, что в буквальном смысле впал в детство, обожрался так, что всю ночь бегал в туалет и один раз, уже под утро, чуть было не вспомнил не только детство, но и младенчество. А памперсов в СССР еще не было...

Глава пятая. Дом, милый дом

Утром Максим поднялся безо всяких будильников и родителей. Как говорится, привычка, наработанная годами. Отец еще спал, а вот мать – ранняя пташка – уже шебуршила на кухне. Что поделать, она была «жаворонком», всегда вставала ни свет, ни заря.

– Чего подскочил? Тебе еще спать да спать, только шесть утра, в школу через час только вставать, – мать внимательно смотрела на сына.

– Та ничего, не спится, надо себя в порядок привести, – отмахнулся Макс.

– Ну, да, столько арбузов слопать – это ж никакой мочевой пузырь не выдержит. И будильника не надо. Наверное, всю ночь в туалет бегал? Или сплавал? – ехидно поинтересовалась Татьяна Прокофьевна.

– Никуда я не плавал, взрослый уже, – буркнул Макс, закрываясь в ванной, чтобы умыться и почистить зубы.

– Ага, взрослый, с пацанами в войнушки бегать да из брызгалок друг друга поливать, – не преминула подковырнуть сына мать.

Максим промолчал. Вчера с матерью он так и не пересекся, потому что после возвращения от бабушки она пошла к соседке тете Маше – жене дяди Славы – что-то там шить, и до позднего вечера там просидела. Но, придя домой, гору арбузов и кучу арбузных корок, конечно, заметила.

Выйдя из ванной, Макс набросил на себя спортивную «олимпийку», как тогда в СССР называли спортивный свитерок, натянул старые треники и двинулся было на улицу.

– Ты это куда намылился? – тон матери был весьма подозрительным.

– Пойду, пробегусь, зарядку сделаю, сама сказала – до школы еще час, – Макс хотел было выйти, но ему не дали.

– Ты, Максим, как я погляжу, таки точно по голове стукнутый и серьезно. То не допросишься в магазин сходить, а тут сам двадцать кило арбузов притащил, то утром не добудишься, а сейчас вскочил, как петух, только не кукарекаешь...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.